

АННА ЛИ

АУРЕЛИЯ

СЕРДЦЕ ЦВЕТА

Анна Ли

Аурелия. Сердце цвета

«Автор»

2026

Анна Ли

Аурелия. Сердце цвета / Анна Ли — «Автор», 2026

В городе, где магия цвета питает саму жизнь, хромантка Мия и бывший Теневой страж Кассиан вынуждены объединиться, чтобы остановить Нивеум – древнюю машину, способную лишить людей эмоций, свободы и света. Но чем ближе они к разгадке, тем сильнее становится связь между ними – и тем страшнее цена спасения.

© Анна Ли, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Праздник Семи Оттенков.	5
Глава 2. Чёрный страж.	8
Глава 3. Первая волна выцветания.	12
Глава 4. Условия союза.	16
Глава 5. Архив цветочников.	21
Глава 6. Пепел в стекле.	26
Глава 7. Крыши Аурелии.	31
Глава 8. Рынок без запаха.	36
Глава 9. Отпечаток союза.	40
Глава 10. Долг тени.	45
Глава 11. Дворцовый чердак.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Ли

Аурелия. Сердце цвета

Глава 1. Праздник Семи Оттенков.

Мия.

Утро в Аурелии всегда начиналось с цвета.

Сначала свет вспыхивал на стеклянных переплётах верхних мостов – мягкий, янтарный, словно город открывал глаза неохотно и с достоинством. Потом просыпались фонари на террасах: бледно-зелёные у садоводов, золотистые у булочников, синие у мастеров воды. И только после этого на Квартал Цветочных мостов* опускалась настоящая жизнь – запах влажной земли, звон медных ножниц, шелест лент и шёпот первых покупателей.

Мия любила этот час больше всего.

В суматохе дня всегда было слишком много людей, слишком много голосов и оттенков, которые она чувствовала даже тогда, когда не хотела. А ранним утром чувства ещё не расплзались по воздуху густой пылью. Они держались ближе к телам, как тепло.

Она стояла по колено в ящиках с рассадой, заправив выбившуюся розовую прядь за ухо, и спорила с особенно вредным выюнком.

– Не сегодня, – пробормотала она, придерживая пальцами тонкий стебель. – Если ты снова полезешь на соседние горшки, Мирена решит, что я тебя перекормила светом.

Выюнок, разумеется, её не слушал. Упрямо тянулся к корзине с белыми колокольчиками, как будто только там и существовал смысл всей его зелёной жизни.

Мия вздохнула, коснулась ногтем края глиняного горшка и пустила в землю чуть-чуть тепла. Не много. Ровно столько, чтобы корни успокоились.

Почва под пальцами мягко отозвалась.

Оттенки мира раскрывались для неё не глазами, хотя глаза тоже видели больше, чем у других. Хрома* ощущалась как натянутые нити в воздухе, как вкус на языке, как далёкая музыка, которую невозможно спеть, но можно узнать с первого звука. У белых колокольчиков была прозрачная, звенящая радость. У выюнка – жадное, яркое беспокойство. У старого деревянного прилавка – тёплая, выцветшая память о тысячах рук.

– Мия! – донёсся голос с соседнего ряда. – Если ты опять разговариваешь с цветами, делай это тише. Покупатели начинают думать, что мы все здесь ненормальные.

Она подняла голову и увидела Мирену – высокую, сухую, неизменно прямую, будто её позвоночник был выточен из крепчайшей лозы. Старуха несла на сгибе локтя связку ароматических лент и выглядела так, словно лично отвечала за порядок во всём квартале.

– Они первые начинают, – невинно сказала Мия.

– Конечно. А потом ты, разумеется, только защищаешься.

Мия усмехнулась и выбралась из ящиков.

Сегодня был день Праздника Семи Оттенков – любимого городского безумия, когда жители Аурелии украшали мосты цветным стеклом, развешивали над улицами ленты из светопыльцы и притворялись, будто у них нет ни долгов, ни страхов, ни соседей, с которыми они судятся третий год. Даже небо над городом в такие дни казалось выше.

По главным аркам уже тянулись гирлянды. Дети бегали между лавками с бумажными фонариками в виде рыб и птиц. Музыканты на дальнем конце площади настраивали струнные круги, от которых в воздухе дрожали тонкие искры голубоватого света.

Мия любила фестиваль, но сегодня с самого рассвета её не отпускало странное чувство.

Что-то было не так.

Не в людях – люди как раз сияли привычной предпраздничной смесью возбуждения, раздражения и радости. И не в рынке. Нет. Неправильность шла глубже, из-под камня, из-под мостовых арок. Как будто где-то очень далеко дрогнула натянутая струна и теперь весь город, сам того не замечая, жил в ожидании второго звука.

– Ты снова это чувствуешь? – тихо спросила Мирена, вдруг оказавшись рядом.

Мия не сразу ответила.

– Да.

– Сильнее, чем раньше?

– Намного.

Старуха сжала губы. На мгновение её обычная колючесть сменилась тревогой.

– Ничего не делай без нужды, – сказала она. – И не показывай силу на людях.

– Ты говоришь так, будто я обожаю привлекать внимание.

Мирена смерила её долгим взглядом.

– Ты светишься даже тогда, когда молчишь.

Мия хотела возразить, но не успела: над площадью прокатился восторженный шум. На центральном мосту зажглась главная арка праздника – семь стеклянных дуг, вложенных одна в другую, каждая со своим цветом. От красного к янтарному, от янтарного к зелёному, от зелёного к синему и дальше – до редкого серебристо-лилового, который получался только в лучших мастерских города.

Толпа ахнула.

Даже Мия невольно задержала дыхание.

Арка была прекрасна.

Свет шёл по ней волнами, как вода по невидимому руслу, касаясь каждого стеклянного сегмента так бережно, будто тот мог треснуть от слишком резкого восхищения. Маленький мальчик лет пяти, стоявший у края площади с матерью, захлопал в ладоши и засмеялся так звонко, что несколько прохожих тоже улыбнулись.

И в этот момент Мия услышала треск.

Не обычный – не звук ломкого стекла и не жалобу плохо закреплённого металла. Это был магический надлом, знакомый ей с детства: когда связанная хрома выходит из подчинения, сначала что-то в воздухе делается слишком тихим, а потом всё вокруг словно втягивает в себя резкий вдох.

Мия вскинула голову.

На вершине арки один из кристаллических узлов вспыхнул мертвенно-белым.

– Нет, – выдохнула она.

В следующую секунду верхняя дуга дёрнулась, как от удара изнутри.

Толпа ещё не поняла, что происходит. Люди смотрели вверх, кто-то смеялся, думая, что это часть представления. Стеклянный свет рванулся в стороны, и белизна пошла по арке, как мороз по воде.

– Назад! – крикнула Мия, но её утонувший в шуме голос мало кто услышал.

Второй треск был уже громче.

Мать мальчика на краю площади обернулась слишком поздно.

Мия не думала. Просто сорвалась с места.

Она бежала между лавками, плечом задела корзину с жёлтыми астерами, перескочила через тележку с фруктами и, не добежав нескольких шагов до арки, выбросила вперёд руку.

Хрома отозвалась мгновенно – слишком охотно, слишком ярко.

Розовый свет вспыхнул у неё под кожей, скользнул по пальцам, ударил вверх тонкой лентой и врезался в белеющий узел. На миг весь мир стал прозрачным: Лея увидела, как по стеклянным дугам бегут напряжённые линии, как ядро внутри арки раздирает избыток подавленной силы, как страх толпы окрашивает воздух в острые серые иглы.

Она потянула хрому на себя.

Боль резанула по запястью до локтя.

Арка затрещала снова – и всё-таки рухнула бы, если бы не мальчик. Именно мальчика Мия увидела яснее всего: маленькая фигурка у края, запрокинутое лицо, фонарик в руке. Он стоял, замерев, пока сверху на него падал сегмент сияющего стекла.

Мия рванула оставшуюся силу в сторону.

Свет ударил в мостовую, взметнулся розовым веером и на долю секунды удержал падающий кусок арки в воздухе. Этого хватило, чтобы она бросилась вперёд, схватила ребёнка за плечи и повалила его на землю, прикрывая собой.

Стекло рухнуло рядом.

Площадь взорвалась криками.

Кто-то тянул мальчика к матери. Кто-то звал стражу. По мостовой катились мелкие осколки, всё ещё светящиеся изнутри. Над головами людей осыпались сгоревшие нити иллюминации.

Мия попыталась встать, но перед глазами поплыли тёмные круги. Под ладонью камень был тёплым, а потом вдруг ледяным. Она ощутила, как с неё срывается контроль: хрома, поднятая слишком резко, искала выход.

– Тихо, – прошептала она себе. – Тихо. Не сейчас.

Чья-то рука коснулась её плеча. Она вздрогнула и обернулась.

Над ней стоял человек в чёрном доспехе.

Не парадный городской страж и не дворцовый офицер. Его броня была матовой, почти без отблеска, с тонкими серебристыми линиями по краям пластин. Лицо скрывала теневая полумаска, но глаза были видны – светлые, холодные и слишком внимательные.

Теневой орден*.

Мия стиснула зубы.

Он ничего не сказал. Только посмотрел на её руку, где ещё догорали розовые нити света, потом – на разрушенную арку.

В его взгляде не было удивления. Он уже знал, кого ищет. И почему-то именно это испугало её сильнее всего.

1.Квартал Цветочных мостов* – рынки, теплицы, лавки ароматов, уличные музыканты, открытые галереи.

2.Хрома* – это магическая энергия оттенков, связанная с эмоциональным, сенсорным и памятным опытом живых существ. Она не равно просто «цвету»: цвет – лишь видимое проявление.

3.Теневой орден* – официально: защитники города от нестабильной магии. Фактически: силовая структура, расколотая между долгом, страхом и политикой.

Глава 2. Чёрный страж.

Кассиан.

Если бы Кассиану предложили выбрать, что он ненавидит больше – дворцовые аудиенции или городские праздники, – он бы потребовал право на третий вариант.

Праздники внутри дворца. Там собиралось всё худшее сразу: придворные интриги, обязательные поклоны, слишком сладкое вино и музыка, которую заказывают люди, убеждённые, что чем громче хор, тем менее заметно их собственное лицемерие. Кассиан стоял в тени колонн Высокого зала, пока советники регента обсуждали «меры предосторожности» на Празднике Семи Оттенков, и считал трещины в мраморе, чтобы не смотреть на говорящих.

– Нижние кварталы всегда ведут себя беспокойно, – произнёс один из советников, нервно поправляя манжеты. – Скопление ремесленников, уличные артисты, избыточная концентрация незарегистрированных хроматических приборов...

– Люди выходят на улицы, когда им есть что праздновать, – сухо ответил Малькор. – Само по себе это не преступление.

Голос регента всегда звучал спокойно. Именно это многих и сбивало с толку. В Малькоре не было ничего от привычного тирана из уличных страшилок: ни гнева, ни театральной жестокости, ни привычки говорить громче других. Он был собранным, почти утомлённым человеком, который давно решил, что мир слишком опасен, чтобы оставлять его на волю чувств.

Кассиан знал этот тон. Обычно за ним следовал приказ.

– Но, – продолжил регент, положив ладонь на подлокотник кресла, – мы не можем игнорировать сообщения из Квартала Цветочных мостов.

Один из писцов тут же шагнул вперёд и развернул свиток.

– За последние три месяца зафиксированы несколько локальных аномалий, – произнёс он. – Самопроизвольное усиление роста растений, нестабильное свечение без кристаллического носителя, один случай кратковременного восстановления выпавшего лепестка...

Советники зашептались.

Кассиан не шевельнулся, но внимание его обострилось.

– Иными словами, – мягко сказал Малькор, – в городе действует незарегистрированный хромант* необычного профиля.

Писец поклонился.

Регент повернул голову в сторону теневой ниши, где стоял Кассиан.

– Командор Нер.

Он вышел на свет.

Многие при дворе до сих пор не знали, как правильно на него смотреть. Кто-то – с уважением, кто-то – с опаской, кто-то – так, будто сама его тень могла пристать к сапогу и не отлипнуть. Чёрная форменная броня ордена сидела на нём как вторая кожа; короткий плащ глушил шаги. На правой перчатке тонкой линией поблёскивала впаянная печать – старая, глубже обычной.

– Да, мой регент.

– Найдите источник аномалий, – сказал Малькор. – Если это одарённый без подготовки, его нужно взять под надзор. Если это сознательное укрывательство силы – пресечь. Если же мы имеем дело с остаточным контуром старых механизмов...

Он не договорил. Но Кассиан понял. Тогда дело становилось опасным.

– Ясно, – ответил он.

Регент чуть склонил голову.

– И ещё одно. Утром будет пробный запуск нижнего контура стабилизации. Я не ожидаю осложнений, но, если почувствуете отклик в теневой сети, сообщите немедленно.

На долю секунды в зале стало тише.

Кассиан не поднял взгляда. Только коротко сказал: – Как прикажете.

Когда он вышел из зала, праздник внизу уже начинался.

С высоты дворцовых переходов Аурелия казалась сотканной из стекла, листвы и дыма. От солнечного света верхние мосты сверкали так, что болели глаза, а нижние улицы были полны движения – живые потоки людей, тканей, телег, ленточных вывесок. Чужая радость всегда казалась Кассиану немного утомительной. Не потому, что он не умел её понимать. Хуже. Потому что когда-то умел слишком хорошо.

Он спускался в город один.

Теневой орден предпочитал действовать незаметно. Это была одна из причин, по которым горожане их так не любили: люди охотнее боятся того, что появляется без звука. На нижних террасах Кассиан снял полумаску и спрятал её под плащ. Без неё он выглядел просто как высокий мужчина в тёмной дорожной одежде, если не считать осанки, по которой опытный глаз всё равно распознал бы военного.

На рынке было тесно.

Продавцы выкрикивали цены, дети носились под ногами, из булочной на углу тянуло тёплым анисом. Но за этим обычным слоем жизни Кассиан чувствовал другое: теневая печать под перчаткой едва заметно ныла. Так, бывало, рядом с нестабильной магией.

Он медленно шёл вдоль рядов, не показывая, что ищет.

Сначала он заметил странные растения – слишком отзывчивые, слишком живые. Потом несколько горшков с лепестками, которые явно держали форму дольше положенного. Затем увидел старую Мирену, которую помнил по досье флоралхимического круга*.

А потом увидел её.

Девушка с розовыми волосами стояла между ящиками с рассадой и спорила со старухой так оживлённо, что на секунду он подумал: не может быть. Слишком открытая. Слишком человеческая для той фигуры из сухих докладов, которую он успел сложить у себя в голове.

Но в этот миг над площадью загорелась арка.

Он почувствовал сбой раньше, чем услышал.

Теневая метка под кожей обожгла запястье. Воздух сжался. Сила в конструкции дёрнулась неестественно, как загнанное животное.

И тут розоволосая бросилась вперёд.

Кассиан видел работу многих хромантов. Видел боевых световиков*, что строили стены из жёлтого жара. Видел лекарей, вынимавших человека из лихорадки тонкой голубой вязью. Видел мастеров памяти, которые могли заставить целый зал пережить один и тот же миг прошлого. Но сила этой девушки была другой.

Она не просто выпустила свет.

Она вошла в резонанс со всей площадью.

Её магия захватила страх людей, растерянность ребёнка, напряжение стеклянной арки, тепло камня, вибрацию музыки на соседней улице – и всё это на одно мгновение стало единым потоком. Слишком мощным. Слишком тонким. Слишком опасным для неподготовленного человека.

Она спасла мальчика.

А потом едва не рассыпалась сама.

Кассиан оказался рядом раньше, чем успел подумать, стоит ли. Он видел, как вокруг неё начинает дрожать остаточная хрома: ещё секунда – и пойдёт неконтролируемый выброс.

Он положил руку ей на плечо.

Его тень сработала инстинктивно – коротким, точным гашением.

Розовые нити на её коже дрогнули и втянулись, словно от неожиданного холода.

Девушка вскинула голову.

У неё были не просто светлые глаза. Они были того редкого оттенка, который бывает у неба перед дождём, если в нём ещё держится утреннее солнце. И в них сейчас горели сразу три вещи: страх, злость и решимость бежать.

Правильная реакция, отметил про себя Кассиан.

Он посмотрел на её руку, на разрушенную арку, на толпу.

Да, это точно она.

Но, если бы она хотела причинить вред, мальчик был бы мёртв, а половина площади – в огне. Она же рванула поток на себя, почти не думая о цене.

Стража уже пробиралась через толпу. Обычные городские, не орденские. Через минуту тут будет слишком шумно.

Кассиан отступил на полшага.

– Не двигайтесь резко, – сказал он негромко.

– Отличный совет, – выдохнула девушка. – Особенно от человека, из-за которого я как раз собираюсь двигаться очень резко.

Несмотря на ситуацию, он едва не усмехнулся.

– Если бы я хотел вас забрать, – ответил он, – вы бы сейчас не спорили.

Её подбородок вздёрнулся.

– Какое обнадёживающее знакомство.

Толпа качнулась. Кто-то закричал, что видел вспышку магии. Ещё один голос позвал стражу ордена, и этого Кассиан допускать не собирался.

Он сделал быстрый расчёт.

Если отдаст её сейчас, этим займутся Серые*. Если отпустит – может потерять единственную ниточку к аномалиям. Если возьмёт сам – нарушит прямой дух приказа, но сохранит возможность разобраться.

Решение далось ему подозрительно легко.

– Через десять минут вас начнут искать, – сказал он. – Через двадцать обыщут весь квартал. Если хотите выжить, уходите с рынка немедленно.

Девушка моргнула.

– Это ловушка?

– Пока нет.

– Очень утешает это ваше «пока».

Кассиан коротко кивнул в сторону узкого прохода между лавками.

– Там есть старый дренажный спуск. Идите по нему до заброшенной оранжереи у северной стены. Не приведёте хвост – поговорим. Приведёте – разойдёмся, как будто никогда не встречались.

– С чего мне верить тенику*?

Он выдержал её взгляд.

– Нес чего.

Это, похоже, подействовало лучше любой лжи.

Позади них уже пробивались двое стражников. Девушка стиснула пальцы так, будто хотела ещё раз вызвать свет, но удержалась.

– Если это западня, – тихо сказала она, – я найду способ заставить вас пожалеть об этом.

– Верю.

Она метнула на него злой взгляд, резко поднялась и исчезла в людском потоке так быстро, словно вся жизнь тренировала её именно для бегства с цветочного рынка.

Кассиан проводил её глазами.

А потом услышал в собственной тени странный отзвук.

Не угрозу. Не ошибку.

Память.

Будто где-то очень глубоко, под слоями чужих приказов, клятв и тишины, что-то давно забытое шевельнулось в ответ на розовый свет.

Это ему совсем не понравилось.

1.Хроманты* – оперируют светом, оттенками, эмоциональными резонансами.

2.Флоралхимический круг* – полузакрытое братство садовников, врачей, хранителей памяти и селекционеров редких растений.

3.Световики* – подтип хромантов – создают и усиливают световые структуры.

4.Серые* – тайное подразделение регента.

5.Теневики* – редкая и спорная ветвь. Не «злая магия», а система подавления, поглощения и выравнивания избыточной хромы. Теневики умеют: гасить вспышки; создавать зоны тишины магии; удерживать разрушительные эмоциональные поля. Именно из этой школы вырос Теневой орден.

Глава 3. Первая волна выцветания.

Мия.

К ночи город изменился.

Днём Аурелия всегда умела скрывать свои трещины. Сверкающий фасад, музыка на мостах, фонари в стеклянных клетках, запах сладкого вина и обжаренных орехов – всё это держалось на поверхности, как праздничная ткань, наброшенная на мебель в доме, где давно не убирались по-настоящему. Но ночью из-под ткани проступали контуры.

Мия знала это лучше многих.

Она шла вдоль узкого канала за северной стеной рынка, перепрыгивая через тёмные лужи и стараясь не думать о том, что делает именно то, что посоветовал теневик. Разум твердил, что это глупо. Инстинкт – что выбора не было.

После обрушения арки рынок буквально закипел. Кто-то видел розовый свет. Кто-то видел «ведьму». Кто-то клялся, что магический сбой пришёл из-под земли. Мия успела скрыться только потому, что Мирена, не моргнув глазом, опрокинула на проход целую корзину с дымчатыми лилиями, и у половины свидетелей тут же началась резь в глазах.

«Иди, – шепнула старуха, когда Мия попыталась спорить. – И, если этот человек решит тебя предать, постарайся хотя бы узнать зачем».

Очень по-миреновски.

Заброшенная оранжерея стояла между старой водонапорной башней и заросшей галереей, которую закрыли ещё до рождения Мии. Когда-то здесь выращивали королевские зимние цветы, но теперь стеклянная крыша местами провалилась, металлические переплёты покрылись ржавчиной, а каменные чаши для редких сортов были полны сорняков и лунной воды.

Внутри пахло железом, мокрой пылью и чем-то выцветшим.

Мия вошла тихо, но знала: если теневик здесь, он уже её услышал.

– Я пришла одна, – сказала она в полумрак.

– Вижу.

Голос донёсся справа.

Кассиан вышел из тени между двумя пустыми посадочными столами так бесшумно, что её раздражение тут же вернулось в полной мере. Ночью он выглядел ещё более чужим этому месту – весь в тёмном, резкий, собранный, как нож, забытый на цветочном прилавке.

– Если вы умеете появляться нормально, не доводя человека до желания ударить вас лопатой, сейчас был хороший момент это показать, – сказала Мия.

– Я это учту.

Он говорил так сухо, что было невозможно понять, шутит он или нет.

Мия остановилась в нескольких шагах.

– Итак? Вы спасли меня днём. Я почти готова признать, что это смелый выбор для человека вашего ордена. Теперь скажете, зачем?

– Затем, что вы не похожи на диверсанта.

– Неужели?

– И потому, что сегодня днём под аркой был не просто сбой.

Она насторожилась.

– Я это и без вас заметила.

Кассиан смотрел на неё несколько долгих секунд, словно решая, сколько можно сказать.

– Под дворцом активировали старый контур стабилизации.

– Что?

– Пробный запуск. Низкой мощности.

– Стабилизации чего?

Он не ответил сразу.

– Хромы.

Мия рассмеялась коротко и зло.

– Вы это сейчас серьёзно? Хрому не «стабилизируют» дворцовыми рычагами, как поток в водопроводе.

– Смотря какую систему использовать.

– Таких систем не существует.

Кассиан чуть наклонил голову.

– Существует. Или существовала.

Имя всплыло в её памяти так внезапно, что она произнесла его раньше, чем успела остановить себя: – Нивеум*.

Выражение его лица изменилось едва заметно, но Мие этого хватило.

– Значит, я права.

– Откуда вы знаете это слово?

Она прикусила язык. Слишком поздно.

Мирена рассказывала о Нивеуме как о полуразрушенной легенде – древней машине времён войны, которую создали то ли для спасения города, то ли для подчинения людей. В мастерских и садах её имя шептали вполголоса, как шепчут про болезнь, которой боятся, но не понимают.

– Слышала, – уклончиво сказала Мия. – От старших.

– От каких именно?

– От тех, кто не носит на себе переносную ночь.

Кассиан вздохнул, и в этом коротком выдохе впервые мелькнула усталость.

– Либо мы тратим время на взаимные колкости, либо пытаемся понять, что происходит.

– Я прекрасно понимаю, что происходит, – резко ответила Мия. – Во дворце опять решили, что людям опасно чувствовать слишком много.

Его взгляд стал жёстче.

– Если бы дело было только в политике, меня бы здесь не было.

– А где бы вы были?

– Там, где мне приказывают.

Это прозвучало так ровно, что ей вдруг стало не по себе.

Она уже собиралась спросить что-то ещё, когда воздух в оранжерее дрогнул.

Не сильно. Почти нежно.

Но Мия застыла мгновенно.

– Вы это почувствовали? – шепнула она.

Кассиан напрягся.

Где-то далеко, под камнем и металлическими корнями города, прокатился низкий, почти неслышный гул. За ним пришло ощущение пустоты – будто кто-то вычерпнул из мира горсть звука, запаха и тепла.

Вода в каменной чаше у стены побледнела.

Мия обернулась так резко, что у неё хрустнула шея. На её глазах тонкий побег дикого плюща, ещё секунду назад зелёный, начал терять цвет. Не увядать – именно белеть, будто жизнь из него вытянули не временем, а приказом.

– Нет, – выдохнула она и шагнула вперёд.

Ещё один побег. Ещё. Белизна расползлась по листьям тихо, ужасающе тихо. Не было ни дыма, ни жара, ни искр. Просто зелёное становилось блеклым, потом серым, потом почти бумажным.

Мию накрыла волна боли.

Не её собственной – чужой, общей, городской. Как если бы одновременно тысяча людей на мгновение забыли, зачем смеются, зачем любят, зачем вообще поднимают утром голову от подушки. Она схватилась за край стола, но пальцы соскользнули.

Кассиан оказался рядом раньше, чем она упала.

На этот раз она не оттолкнула его сразу.

– Что это? – прошептала она сквозь зубы.

Его рука на её локте была холодной и слишком крепкой.

– Пробный запуск, – ответил он. И в его голосе впервые слышался настоящий гнев. – Но не такой, как планировали.

Снаружи послышались крики.

Мия вырвалась и бросилась к разбитому проёму. На улице, за оградой оранжереи, по каменной дорожке шёл мужчина с корзиной. Он двигался ровно, спокойно, почти механически. Рядом женщина уронила свёрток с хлебом, посмотрела на него – и не наклонилась поднять. Просто стояла, будто не могла решить, важно ли это.

Свет в ближайшем фонаре стал белёсым, безжизненным.

– Они выцветают*, – сказала Мия.

Слово было старым. Почти детским. Им пугали учеников флоралхимиков*: не трогай запрещённые растворы, не лезь в контуры старых машин, не перегружай кристалл – а то всё вокруг выцветет.

Она никогда не думала, что увидит это по-настоящему.

Кассиан выругался едва слышно и потянул её назад.

– Нужно уходить.

– Куда? Куда, по-вашему, отсюда можно уйти, если это уже в городе?

– Туда, где сможем думать.

– А вы умеете думать?

Он посмотрел на неё так, что она сразу поняла: перегнула.

Но извиняться не пришлось.

Снаружи раздался топот.

– Патруль, – коротко сказал Кассиан.

Мия обернулась к двери. По резкому металлическому ритму стало ясно: не городские стражники. Орден. Или кто-то хуже.

– Конечно, – пробормотала она. – Потому что сегодняшней ночи ещё не хватало моего ареста.

Она подняла руку, готовясь выпустить свет.

Кассиан перехватил её запястье.

– Не так.

Их силы столкнулись мгновенно.

Её хрома рванулась вверх, его тень – навстречу. Мия ожидала привычного удара подавления, от которого её магия обычно болезненно сжималась, но вместо этого произошло что-то иное. Тьма Кассиана не погасила её свет. Она обвила его, как чёрная вода обвивает раскалённое стекло, снимая с поверхности опасное напряжение, но не разрушая форму.

Розовый свет вспыхнул у них между пальцами – мягкий, глубокий, с тёмным краем.

Оба замерли.

Снаружи с лязгом распахнули калитку.

– Внутрь! – донёсся голос.

Кассиан отпустил её так резко, словно обжёгся.

– Потом, – сказал он.

– Что потом?

– Вы будете задавать вопросы потом.

Он выхватил из тени короткий клинок, не отражающий света, и шагнул к проходу. Мия увидела, как вокруг него сгущается сумрак – не просто отсутствие света, а отдельная, управляемая плотность, похожая на складки дыма.

В оранжерею ворвались двое в серых полумасках.

Не орден.

Серые.

Мия знала о них по слухам: тайные исполнители дворца, которые приходят не арестовывать, а изымать.

Первый успел поднять руку с белым шпинделем – устройством подавления. Кассиан ударил раньше. Тень хлестнула по металлу, шпиндель вырвало из пальцев, и он покатился по плитам, выплёвывая белые искры.

Второй метнулся сбоку.

Мия среагировала инстинктивно. Она вытянула ладонь, поймала остаток света в стеклянной крыше и швырнула его вниз узким клином. Не боевым. Ослепляющим.

Серый зашипел и прикрыл лицо.

– Через задний пролом! – бросил Кассиан.

– Я никуда с вами не пойду, пока...

– Если останетесь, вас заберут в камеру без окон, – оборвал он. – Хотите спорить здесь? Это была нечестная аргументация.

И очень убедительная.

Мия подхватила с пола тяжёлую садовую лопатку и метнула в ближайшую лампу. Стекло лопнуло, тьма в оранжерее стала гуще. Кассиан, похоже, оценил ход, потому что на миг его рот дрогнул, будто он едва не улыбнулся.

Они рванули к задней стене, где внизу темнел старый дренажный пролом.

Позади раздался окрик: – Нер!..

Мия едва не споткнулась. Она обернулась. Один из Серых смотрел прямо на Кассиана. Не как на цель. Как на знакомого.

В следующий миг Кассиан толкнул её в пролом первым, прыгнул следом и каменная труба проглотила все вопросы вместе с ночным воздухом.

Они скатились по влажному наклонному туннелю в темноту, пахнущую водой и ржавчиной. Мия больно ударилась коленом, выругалась и тут же услышала, как сверху в трубу входит белый свет преследователей.

Кассиан схватил её за руку.

– Бегите.

Они побежали.

Вдалеке, глубоко под городом, снова гудел невидимый механизм, и с каждым его ударом Аурелия теряла что-то такое, чему у обычных людей не было имени, пока оно было при них.

А Мия вдруг поняла: если они не остановят это, очень скоро некому будет даже испугаться.

1.Нивеум* – огромная машина под дворцом. Изначально её использовали как распределитель перегруженной хромы, в текущем виде – это система подавления эмоционально-магического поля города.

2.Выцветание* – утрата хромы и эмоциональной вариативности.

3.Флоралхимики* – работают через растения, пыльцу, лепестки, соки, ароматические эссенции. Их магия медленнее, но стабильнее и часто используется в медицине и хранении памяти.

Глава 4. Условия союза.

Кассиан.

Кассиан не любил подземные ходы.

Не из-за сырости, темноты или крыс – хотя крысы тоже не добавляли очарования. Просто под землёй любой звук становился чужим: шаги отдавались не так, дыхание казалось громче, а мысль, однажды возникнув, уже не уходила, потому что ей некуда было рассеяться. Подземелья делали правду слишком отчётливой.

Они бежали, пока дренажный туннель не расширился в старую обслуживающую камеру – круглое помещение с низким сводом, ржавыми лестницами и сухим колодцем посередине. Когда-то здесь, должно быть, регулировали поток воды к северным террасам. Теперь остались только камень, железо и гул далёких труб.

Мия остановилась первой.

Она упёрлась ладонью в стену, резко втянула воздух и зажмурилась, будто удерживала внутри себя что-то слишком большое для собственного тела. Розовые пряди липли к вискам, рукав был порван, на подбородке темнела полоска грязи. Она выглядела не как преступница из орденовских сводок, а как человек, которого город только что попытался переломить через колено.

Кассиан остался у входа в камеру и прислушался.

Наверху было тихо. Слишком тихо, чтобы считать это безопасностью, но достаточно, чтобы перевести дыхание.

– Пока оторвались, – сказал он.

– Потрясающе, – отозвалась Мия, не оборачиваясь. – Значит, теперь вы можете объяснить, почему за мной бегают люди, которые знают ваше имя.

Кассиан снял перчатку с правой руки и на секунду сжал пальцы. Теневая метка под кожей всё ещё ныла после столкновения в оранжерее. Но боль была не главной проблемой. Главной проблемой была сама сцена: Серый окликнул его не с ненавистью и не с удивлением, а с раздражённым узнаванием, словно Кассиан вмешался не в своё дело.

Это значило больше, чем хотелось бы.

– Сначала вы, – сказал он.

Мия коротко рассмеялась, и в этом смехе не было ни капли веселья.

– Разумеется. Теневик приводит меня в подземный колодец и решает, что сейчас самое подходящее время для допроса.

– Это не допрос.

Она резко обернулась.

– Тогда давайте назовём это иначе. Беседой между двумя людьми, которые не доверяют друг другу.

Кассиан посмотрел на неё прямо.

– Вы причастны к запуску?

– Нет. Более того – ни о каком запуске я даже не знала.

– Знаете, кто мог вмешаться в дворцовый контур?

– Нет.

– Сознательно скрывали свою силу от регистрации?

– Да.

Он чуть прищурился.

– Почему?

– Потому что я не безумна.

В её голосе было столько ясной, усталой злости, что Кассиан невольно отметил: врёт она не сейчас. Когда человек врёт из страха, в его чувствах появляется рваный край. У Мии всё было слишком цельно – гнев, тревога, растерянность. И под ними, глубже, пульсировала живая боль от того, что случилось в городе.

Он видел её реакцию на выпетание. Слишком сильную, слишком неприкрытую для соучастницы. Волна ударила по ней так, будто прошла сквозь её собственные нервы. Никто не стал бы так калечить себя ради убедительности.

– Вы почувствовали волну раньше, чем увидели её последствия, – сказал он. – Насколько рано?

Мия поколебалась, но всё же ответила.

– Почти сразу.

– Как?

– Не знаю.

– Неправда.

Она сжала челюсть.

– Хорошо. Не так. Я знаю, как это ощущается, но не знаю почему именно я ощущаю это так. Довольны?

Нет, подумал он. Но это было ближе к правде.

Камера на мгновение наполнилась гулом проходящей под полом воды. Где-то далеко клацнул старый клапан. Мия обхватила себя руками и сделала шаг в сторону, будто ей нужно было движение, чтобы не сорваться.

– Теперь ваша очередь, – сказала она. – Что это было?

Кассиан не ответил сразу.

Слова в таких случаях были почти опаснее оружия. Один раз назовёшь вслух то, что не должны были будить, – и оно уже не уйдёт обратно в область слухов. Но молчать тоже было поздно. Слишком много она уже видела. Слишком много он сам позволил ей увидеть.

– Сегодня утром под дворцом действительно активировали старую систему, – ответил он наконец. – Официально – диагностический контур стабилизации. Низкий уровень. Проверка нижних каналов.

– И вы сейчас делаете вид, будто это звучит нормально?

– Для дворца это звучит нормально.

– А для живых людей – нет, – возмутилась девушка.

– Я не спорю.

Она уставилась на него с таким подозрением, словно именно это признание настораживало сильнее всего.

– И вы позволили им её запустить.

Кассиан встретил её взгляд спокойно.

– Я не управляю дворцом.

– Но служите ему.

– Это не одно и то же.

– Для тех, кого ваши люди хватают на улицах, разница обычно незаметна.

Он не отвёл глаз. В таких фразах всегда было искушение защититься, напомнить о долгих годах службы, о всплесках хромы, которые орден действительно гасил, о домах, которые не сгорели, потому что кто-то успел прийти вовремя. Но Мия говорила не о статистике. Она говорила о страхе, который знали все нижние кварталы.

И, хуже того, была права.

– Я не знал, что контур даст такой эффект, – сказал он.

– Однако вы знали, что трогают что-то старое, – не вопрос, констатация.

– Да.

– И всё равно пришли искать меня, а не тех, кто полез в эту машину?

Это тоже было справедливо. Слишком справедливо.

Кассиан опустил взгляд на свою ладонь, где теневая печать едва заметно мерцала под кожей тёмным серебром. Он сам не успел решить, почему не сдал её днём. Приказ был прост. Найти источник аномалий. Взять под надзор. Вместо этого он повёл себя так, словно что-то внутри него уже приняло сторону, хотя разум ещё отставал.

– Днём вы были единственным нестандартным элементом в зоне сбоя, – сказал он. – Теперь же всё выглядит иначе.

– Какая честь.

– Это значит, что я ошибся.

Мия нахмурилась, будто ожидала чего угодно, кроме этой фразы.

– Вы так спокойно это признаёте?

– Нет. Я просто умею говорить прямо и признавать свои ошибки.

Она фыркнула.

– Умение спорное.

Несколько секунд они молчали. Потом Мия медленно подошла к сухому колодцу в центре камеры и посмотрела вниз, в пустую темноту.

– На улице женщина уронила хлеб, – сказала она тише. – Просто смотрела на него и не могла решить, поднять или нет. А мужчина шёл так, будто забыл, что у него есть тело. Если это ваш низкий уровень проверки, мне не хочется представлять высокий.

Кассиан тоже не хотел.

Потому что уже представлял.

В старых архивах ордена, куда обычных стражей не допускали, встречались упоминания о белых зонах – участках после неудачных подавлений, где люди неделями жили без резких чувств, без снов, почти без воли. Там не было буйства, преступности, паники. Только тишина. Такая тишина, в которой постепенно перестают рождаться даже правильные вопросы.

И, если сегодняшняя волна была только эхом пробного запуска...

Он оборвал мысль.

– Серые пришли не случайно, – сказал он. – И не для стандартного изъятия. Это уже само по себе плохо.

– Вы всё время говорите так, будто рядом с нами есть какая-то шкала, где «плохо» – это ещё не самое дно.

– Есть.

Мия медленно повернулась.

– Тогда перестаньте ходить вокруг и скажите честно. Насколько всё серьёзно?

Он видел, как она ждёт лжи. Успокаивающей, удобной лжи. Такую обычно и дают тем, кого хотят удержать послушными. Но сейчас ложь была бы бесполезной.

– Серьёзнее, чем локальная авария, – сказал Кассиан. – Если система, которую включили во дворце, действительно связана со старыми поддворцовыми контурами, она может быть привязана ко всей городской сети. К фонарям. К резервуарам. К архитектуре. К живой хроме в кварталах.

Мия побледнела сильнее, чем после бега.

– Ко всему городу?

– Да.

– Тогда зачем её вообще создавали?

– Этого я не знаю.

– Не верю.

Он сказал это жёстче, чем хотел. Мия тут же вскинула подбородок, и он понял, что ещё немного – и разговор снова уйдёт в тупик. – Верите вы мне или нет, знаний это не прибавит.

Кассиан выдохнул.

– Я знаю только то, что такие системы не должны запускаться без полного контура и без...
– он осёкся.

– Без чего? – тут же спросила она.

– Без проводников, которые могут выдержать нагрузку.

Мия прищурилась.

– Откуда вы знаете?

– Потому что часть теневых протоколов создавали именно для работы с подобными вещами.

Теперь она смотрела на него иначе. Не просто настороженно. Связывая

– Значит, вы не просто орденский пёс, – тихо сказала она. – Вы один из тех, кто к этому близко стоял.

Мия шагнула ближе. В слабом свете старого шахтного окна её лицо казалось почти прозрачным от усталости, но глаза горели упрямо и трезво.

– Хорошо. Тогда слушайте. Если вас прислали за мной, почему Серые пытались взять нас обоих? И почему они окликнули вас так, будто вы сорвали им работу?

Кассиан не сразу нашёл ответ, который не был бы полуправдой.

– Потому что я вышел за рамки приказа.

– Или, потому что вы знаете то, что им нужно скрыть.

– Возможно.

– Поразительно. Вы умеете быть честным урывками.

Он едва заметно качнул головой.

– Вам тоже не повредит попробовать.

На этот раз она не огрызнулась. Только отвела взгляд.

Он видел, как внутри неё спорят сразу несколько решений. Уйти. Скрыться. Оставить его в подземелье и найти собственный путь. Или всё же признать очевидное: ни один из них уже не сможет разбираться отдельно.

Кассиан поймал себя на том, что тоже ждёт её выбора.

Непозволительная привычка.

– У меня есть человек, – сказала Мия наконец. – Если она ещё не покинула квартал.

– Кто?

– Та, кто знает старые флоралхимические архивы лучше, чем половина ваших дворцовых писцов.

– Имя.

Она помедлила.

– Мирена.

Имя было знакомо. Конечно. Старшая из цветочников северных террас, несколько раз проходившая по внутренним спискам как «неудобно осведомлённая, но не враждебная». Кассиан ещё тогда удивился, почему её не прижали жёстче. Возможно, просто не считали опасной. Возможно, оставили как приманку. При дворе любили оба варианта.

– Если вы поведёте меня к ней, – сказал он, – и это окажется ловушкой...

– Выживете, вероятно. Вас же специально учили быть невыносимым.

Он пропустил это мимо.

– Что именно она может знать?

Мия посмотрела в темноту колодца, будто искала ответ не в памяти, а там, на дне пустоты.

– Не всё вероятно. Только обрывки. Названия. Схемы без половины пометок. Сказки стариков, которые слишком часто совпадают друг с другом. – Она подняла на него глаза. – Но если то, что вы говорите, правда... если это не просто авария... тогда есть только одно имя, под которое всё складывается.

Кассиан и без того знал, что услышит. Но всё равно внутри что-то напряглось заранее.
Мия произнесла тихо, но отчётливо: – Нивеум.
И подземная тишина словно стала глубже.

Глава 5. Архив цветочников.

Мия.

Мия ненавидела вести кого-то к Мирене. Тем более – теневика.

Всю дорогу от старой камеры до северных террас ей казалось, что она совершает предательство даже не делом, а самым маршрутом: каждым знакомым поворотом, каждым низким мостиком над каналом, каждой дверью, которую знала с детства. Есть места, куда чужаков нельзя приводить, даже если мир разваливается.

Но другого выхода она не видела.

Ночь над Аурелией стала странно светлой. Не праздничной – без золотого тепла, без цветных переливов, без мягкой музыки фонарей. Улицы будто покрылись тонкой белой пылью, хотя камни были сухими. Несколько витрин ещё горели, но свет в них сделался ровным и пустым, как в больничных палатах. Там, где обычно тянуло хлебом, мокрой листвой, ароматами горячего сахара и раздавленных цветов, теперь пахло намного слабее.

Выцветание ещё не захватило город целиком. Но уже прикоснулось.

Мия это чувствовала кожей.

Она шла впереди, быстрым шагом, не оборачиваясь на Кассиана без необходимости. Он двигался почти бесшумно, и от этого становилось ещё неприятнее: будто за спиной не человек, а собранная в форму тень. Только иногда она ловила боковым зрением тёмный силуэт у стены или отблеск его взгляда, когда они пересекали редкие освещённые участки.

– Если вы всё ещё обдумываете, как меня сдать, – сказала Мия, сворачивая в узкий проём между прачечной и закрытой чайной, – предупреждаю: у меня очень тяжёлый характер. Вам с ним не справиться.

– Я заметил, – отозвался Кассиан.

– И это всё?

– Вы хотите спор

– Нет. Просто не люблю, когда мне отвечают так, будто вы всё время на полшага впереди.

– Я не впереди, – спокойно сказал он. – Я просто не говорю всё, что думаю.

– Какая утрата для мира.

Он промолчал, и это снова оказалось раздражающе действенным.

Они вышли к старому двору, скрытому за арочной стеной плюща. Когда-то здесь была небольшая учебная теплица при флоралхимической мастерской. Теперь от неё остались только осевшие каменные бортики, медная водосборная чаша и глухая дверь в задней стене, покрытая сухими стеблями. Ничего такого, что стоило бы охранять.

Именно поэтому Мирена её и выбрала.

Мия стукнула условным ритмом: два коротких, длинный, пауза, ещё два. Подождала.

Тишина.

Она стукнула снова, сильнее.

За дверью что-то шевельнулось, потом послышалось осторожное шарканье.

– Если это очередной патруль, – раздался приглушённый голос Мирены, – предупреждаю: я слишком стара, чтобы бояться вежливо.

Мия выдохнула.

– Это я.

За дверью наступила короткая пауза.

– Одна?

Мия покосилась на Кассиана. Тот стоял так, будто заранее принял на себя все грядущие обвинения и не считал нужным облегчать задачу.

– Нет, – ответила она Мирене. – Но он сейчас полезнее, чем мёртвый.

– Сомнительный критерий.

Засов отодвинули.

Мирена открыла дверь ровно настолько, чтобы впустить одного человека, увидела Кассиана через плечо Мии – и её лицо сделалось каменным.

– Нет, – сказала она.

– Мирена, послушай...

– Нет, дитя. Если ты притащила орден ко мне домой, значит, ночь и правда решила окончательно сойти с ума.

– Я не из арестной группы, – сказал Кассиан.

– Разумеется. Вы, теневики, вообще обычно здесь чай пьёте.

Мия быстро шагнула внутрь, пока старуха не успела захлопнуть дверь.

– Они уже видели его, – сказала она. – Серые. И если они шли за мной, то теперь знают, что он тоже вмешался. У нас нет времени.

Мирена перевела взгляд с неё на Кассиана и обратно. Несколько долгих секунд она ничего не говорила. Потом сдвинулась в сторону.

– Если после этого дом сгорит, – сухо произнесла она, – я буду преследовать вас из загробного сада.

Внутри было темно, тепло и слишком знакомо.

Низкие потолки. Полки с горшками, склянками и связками сушёных листьев. Стол под лампой с зелёным стеклом. В воздухе – запах хвои, влажной земли, настойки корня тишелеста и пыльной бумаги. Для Мии это место всегда было ближе к дому, чем комната, которую она снимала над рынком.

Сегодня даже здесь ощущалась тревога. Как тонкий горький привкус в воздухе.

Мирена заперла дверь, повернулась к Кассиану и только теперь как следует рассмотрела его лицо.

– Я вас помню, – сказала она неожиданно.

Мия удивлённо вскинула брови. Кассиан едва заметно напрягся.

– Вряд ли.

– Вполне. Дворцовый вынос приговоров семь лет назад, внутренний двор северной казармы. Вы стояли слева от командира и делали вид, будто вам всё равно, кого они уведут.

В комнате стало очень тихо. Мия почувствовала, как что-то холодное шевельнулось у неё под рёбрами. Она повернула голову к Кассиану, но тот не отвёл взгляда от Мирены.

– Я помню тот двор, – сказал он.

– Плохо, что только двор, – отрезала старуха. – Но сейчас у нас, как верно заметила моя неразумная ученица, нет времени на разбор ваших прошлых грехов. Говорите.

Мия шагнула к столу прежде, чем Кассиан успел ответить.

– Сегодня ночью пошла волна, – сказала она. – Настоящая. Не локальный перегрев, не поломка фонарной сети. Что-то забирает хрому из кварталов.

Мирена побледнела.

– Где?

– Северная оранжерея, ремесленный спуск, часть канала. И, кажется, уже ближе к рыночным мостам.

– Люди?

– Медленные. Пустые. Как будто у них отняли самый верхний слой чувств.

Старуха медленно села на табурет у стола.

– Тогда всё-таки дошли, – пробормотала она себе. – Старые идиоты. Старые проклятые идиоты.

Кассиан остался стоять.

– Вы знаете, что именно было запущено?

Мирена посмотрела на него с усталой злобой.

– Если бы знала наверняка, давно бы сидела не здесь, а в цепях. Но кое-что знаю. Мия, нижний ящик.

Она не спрашивала, нужно ли это делать при чужом. Просто распорядилась – как всегда, когда считала решение уже принятым.

Мия опустила на колени у старого буфета и выдвинула нижний ящик. За свёртками ткани и банками с луковицами обнаружилась тонкая медная пластина. Под ней – ещё одна ниша.

На стол легли несколько свитков, пачка затёртых кальк, два стеклянных прямоугольника со впаянными линиями и плоская деревянная коробка, перевязанная шнуром. Мия давно знала, что у Мирены есть тайники. Но видела их содержимое впервые. – Доставай всё, – командовала Мирена.

– Откуда у тебя это? – тихо спросила она.

– От людей, которые были достаточно умны, чтобы не доверять дворцу полностью, и достаточно трусливы, чтобы всё же не уничтожить копии, – ответила Мирена. – А теперь лампы ближе.

Кассиан подошёл к столу. В зелёном свете его лицо стало резче, почти беспощаднее. Мия вдруг ясно осознала, как странно это выглядит со стороны: флоралхимичка, рыночная девчонка с запрещённой силой и теневой офицер над довоенными схемами. Будь у судьбы чувство юмора, она бы сейчас аплодировала.

Мирена развязала коробку и вынула первый лист.

На пожелтевшей бумаге серебряными чернилами был начерчен круговой контур, похожий одновременно на цветок, часовой механизм и карту каналов. В центре – белое пятно, затёртое так, будто кто-то когда-то пытался стереть само название.

Но внизу всё равно сохранилась подпись.

Мия узнала слово сразу.

– Нивеум, – сказала она.

Кассиан не шелохнулся, но воздух вокруг него будто стал тяжелее.

– Читайте вслух, – велела Мирена.

Мия наклонилась к листу. Почерк был старый, дворцовый, с витиеватыми соединениями.

– «Проект центрального усмирителя хроматических перегрузок...» – Она запнулась и подняла взгляд. – Усмирителя?

– Да, – сказала Мирена. – Не просто машины. Не просто ядра. Усмирителя. После гражданской войны городу нужно было не украшение и не оружие. Ему нужен был способ пережить остаточные волны. Слишком много боли, слишком много боевой хромы в земле, слишком много мест, где память горела годами. Они хотели построить систему, которая будет забирать излишек и перераспределять его безопасно.

Кассиан взял второй лист, быстро пробежал глазами.

– Здесь пометки о трёх стабилизаторах контура, – сказал он. – Один связан с живой хромой, один – с теневым подавлением, один – с управляющей матрицей...

Мирена кивнула.

– Три ключа. Если верить обрывкам, без них Нивеум либо не включался полноценно, либо сходил с ума. Аурелия всегда слишком любила системы, которые обещают навести порядок без человеческой цены.

Мия провела пальцем по схеме, не касаясь чернил.

– И они его построили?

– Частично, – ответила Мирена. – Или полностью, но потом спрятали. После смерти королевы многие документы исчезли. Что-то сожгли. Что-то запечатали. Что-то разнесли по частным архивам. Остались легенды и вот такие обглоданные кости.

– Какие ключи? – спросил Кассиан.

Старуха раскрыла ещё один лист, на этот раз со списком и схематичными символами.

– Первый – Призма Сердца. Усиливает и связывает живую хромую проводника с сетью. Второй – Теневая Печать. Узел подавления и удержания перегрузки. Третий – Венец Равновесия. Управляющий принцип. То, что задаёт самой системе ответ на вопрос: что считать допустимым балансом.

Кассиан дочитал нижнюю строчку и очень тихо сказал:

– «Без совмещения трёх контуров запуск запрещён».

– Разумное замечание, – сказала Мирена. – Которое, как и все разумные замечания, дворцы обычно игнорируют первыми.

Мия переводила взгляд со схем на Кассиана и обратно. Слова ложились одно на другое слишком хорошо. Живая хрома. Теневая печать. Управляющая матрица. Проводники. Запрещённый запуск.

– Они включили его неполным, – предположила она. – Поэтому волна пошла как выплывание. Не перераспределение, а вычерпывание.

– Похоже на то, – сказал Кассиан.

– «Похоже»? – Мия резко повернулась к нему. – Вы говорите об этом так, будто уже видели подобное.

– Не в действии. В протоколах.

Мирена издала сухой звук, похожий на смешок без радости

– Протоколы. Какая утешительная вещь. Пока город учится забывать запах хлеба, у вас есть протоколы.

Мия снова посмотрела на схему. Белое пятно в центре манило и пугало. Будто бумага помнила больше, чем могла показать.

– Если ключей три, – медленно сказала она, – где они сейчас?

Мирена подняла один из стеклянных прямоугольников к лампе. Внутри тускло блеснула красноватая прожилка.

– Призма Сердца считалась утраченной. Венец Равновесия, если он вообще существовал в финальной форме, принадлежал королевской линии. А вот Теневая Печать... – Она перевела взгляд на правую руку Кассиана. – Эта вещь, насколько я помню, никогда не была просто украшением ордена.

Мия тоже посмотрела на его руку. Он не убрал её. Только пальцы едва заметно сжались.

– Вы хотите сказать, – произнесла она, – что один из ключей может быть всё это время во дворце. Или... на ком-то из них.

– Я хочу сказать, – сказала Мирена, – что если старые проектировщики не солгали в этих бумагах, хотя бы один действующий элемент точно остался у власти. Иначе запуск был бы невозможен даже в таком искаленном виде.

Кассиан молчал. Именно это молчание заставило Мию насторожиться сильнее.

– Что вы не договариваете? – спросила она.

– Пока ничего, чего можно доказать, – ответил он.

– Ненавижу ваши ответы.

– Это взаимно, – спокойно сказал он.

Мирена закатила глаза.

– Замечательно. Значит, оба ещё не выплели окончательно. А теперь послушайте меня внимательно. Если Серые уже двигались по северным ходам, они могли искать не только девочку. Если кто-то решил поднять Нивеум, старые копии схем становятся опаснее живого свидетеля. Свидетель может умереть. Бумага – нет.

Мия почувствовала, как по коже пошёл холодок.

– Тогда надо переносить всё отсюда.

– Уже поздно, – сказала Мирена.

И в ту же секунду снаружи послышался очень тихий, но отчётливый звон стекла. Не быющего. Режущегося.

Кассиан оказался у лампы раньше, чем Мия успела вдохнуть. Одним движением приглушил свет, и комната погрузилась в сумрак.

За стеной кто-то прошёл по сухим стеблям.

Мирена не шевельнулась. Только положила ладонь на свёрток схем.

– Я ведь говорила, – произнесла она почти шёпотом, – что дом сгорит.

За дверью скрипнул первый засов.

Глава 6. Пепел в стекле.

Кассиан.

В темноте слух становится честнее зрения.

Кассиан слышал троих у входа ещё до того, как второй засов начал двигаться. Один стоял чуть левее двери – вероятно, со шпинделем или сеткой подавления. Двое держались по бокам, распределяя сектор, как обученные бойцы, привыкшие штурмовать тесные помещения без лишнего шума. Во дворе, судя по едва заметной вибрации досок, могли быть ещё двое.

Обычный патруль ордена так не заходил.

Серые.

Он бросил короткий взгляд на комнату. Мирена прижимала к груди свёрток бумаг. Мия застыла у стола, напряжённая, как натянутая проволока. В полумраке её лицо было белым пятном и двумя тёмными глазами.

– Слушайте внимательно, – тихо сказал Кассиан. – Они пришли за архивом.

– С чего вы решили? – шепнула Мия.

За дверью раздался сухой металлический щелчок.

– Потому что нас до сих пор не окликнули поимённо.

Мирена резко кивнула, будто именно этого подтверждения ей и не хватало.

– Задний выход через тепличную шахту, – сказала она. – Узкий, но проходимый. Выводит в водосброс.

– Нет, – тут же сказала Мия. – Мы идём все.

Старуха даже не посмотрела на неё.

– Не трать мою старость на глупые споры.

Первый удар пришёлся в дверь. Не сильный. Проверочный. Дерево дрогнуло, но выдержало. Серые редко ломились сразу – сначала вымеряли, кто внутри, как реагируют, есть ли магический отклик.

Кассиан подошёл к столу и быстро свернул верхние листы в плотный рулон.

– Берите только самое нужное, – сказал он Мирене. – Остальное сжечь.

– Это и есть самое нужное.

Второй удар оказался тяжелее. На стене задребезжали подвешенные стеклянные трубки.

Мия шагнула к двери, и воздух вокруг неё чуть потеплел, будто тело само собирало свет по комнате.

– Если они зайдут, я смогу ослепить первых двух.

– И выдадите себя окончательно, – сказал Кассиан.

– Кажется, эта часть плана уже выполнена.

– Мия, – впервые резко сказала Мирена. – Делай, что говорят, если хочешь прожить до рассвета и хотя бы кому-то пересказать увиденное.

Она замерла. Не потому, что послушалась его. Потому что послушалась Мирену.

Кассиан оценил дверь ещё раз. Долго она не простоит.

– Шахта где?

Мирена кивнула на заднюю стену, где за полками с сухоцветами скрывался узкий люк. Каменная плита, искусно замаскированная под кладку. Хороший выход для цветочников, плохой – для бойца в броне. Но у него уже не было брони. Это помогало.

Снаружи послышался приглушённый голос: – Живыми не обязательно. Бумаги – в целости.

Мия побледнела, услышав это.

Кассиан ничего не сказал. Не было смысла. Теперь и так ясно.

Он двинулся к двери и поднял руку. Теневая печать под кожей ответила мгновенно – тёмным холодом, растёкшимся по запястью и дальше, до локтя. Воздух у пола уплотнился. Тень от стола вытянулась, как чёрная ткань, и прилипла к его сапогу.

– Когда я открою внутренний контур, бегите к люку, – сказал он. – Не оглядывайтесь.

– А вы? – спросила Мия.

– За вами.

Это была не совсем ложь. Скорее формулировка, оставляющая пространство для манёвра.

Он опустил ладонь на дерево. За дверью уже ставили резак – тонкий, тихий инструмент, которым Серые вспарывали замки без лишнего шума. В другое время Кассиан бы отметил профессионализм. Сейчас это только раздражало.

Тень под его рукой ушла в щель. На мгновение комната сделалась беззвучной. Потом со стороны двери раздался короткий вскрип боли. Один из штурмующих выронил инструмент. Этого хватило, чтобы выиграть несколько секунд.

– Сейчас, – сказал Кассиан.

Мия и Мирена метнулись к задней стене. Старуха уже дёрнула скрытый рычаг, и каменная плита с низким скрежетом сдвинулась, открывая чёрный зев шахты.

В тот же момент дверь с треском раскололась.

В проёме возник первый Серый – в глухой маске, с коротким клинком и белым шпинделем на поясе. За ним – второй, с арбалетной трубкой. Не теряя времени, Кассиан выбросил вперёд руку.

Тень ударила по полу волной низкой плотной черноты. Не как пламя и не как дым – скорее как внезапная глубина, в которую проваливается шаг. Первый Серый оступился, второй рванулся в сторону, уводя оружие.

Именно тогда Мия, не дожидаясь разрешения, вскинула ладонь.

Розовый свет вспыхнул в комнате мягко, почти беззвучно – не режущим ударом, а живой дугой, скользнувшей по стеклянным трубкам на стене. Каждая трубка ответила вспышкой, и на миг тесное помещение превратилось в ловушку из отражений. Серый с трубкой ослеп и выстрелил мимо; болт вошёл в потолочную балку.

Кассиан привык, что рядом с его магией любой свет ломается. Гаснет. Меркнет. Сжимается, как живое существо под льдом.

Но сейчас произошло иное.

Розовое сияние Мии коснулось тени, растёкшейся по полу, – и не исчезло. Напротив. Тёмный контур стал чётче, устойчивее. Не голодной пустотой, а точным инструментом. Как будто её свет не мешал его силе, а собирал её в правильную форму.

На долю секунды это выбило его из ритма.

Первый Серый этим воспользовался. Ушёл из провала слишком быстро и метнул нож в сторону шахты. Кассиан перехватил его уже у стены плоской полосой тени, поднявшейся снизу. Металл звякнул и упал.

– Вниз! – рявкнул он.

Мирена толкнула Мию к люку первой.

– Нет! – та вцепилась в край кладки. – Я не уйду, пока ты...

– Пойдёшь, пока я ещё могу злиться, а не кашлять, – процедила старуха.

Третий Серый появился у разбитой двери с маленькой круглой линзой в руке. Подавитель ближнего поля. Плохо.

Кассиан шагнул наперерез, но линза уже вспыхнула белым. Мир вокруг на миг выцвел – звуки стали глуше, цвета слабее. В обычной ситуации его тень схлопнулась бы на таком импульсе. Но розовый свет Мии, всё ещё висевший в воздухе на нитях от стеклянных трубок,

не дал контуру рассыпаться. Он прошёл сквозь белизну и удержал тень в форме – не полностью, но достаточно.

Кассиан сам не понял, что именно произошло. Только почувствовал, как их силы на секунду зацепились друг за друга, словно нашли старый, заранее проложенный путь. Его тьма перестала рваться в стороны, а её свет утратил опасную избыточность.

Неправильно.

Невозможно.

Реально.

Он ударил по линзе снизу, тенью и сталью одновременно. Стекло разлетелось белой крошкой. Комната наполнилась запахом горячего металла.

– Кассиан! – выкрикнул кто-то из Серых.

Не снаружи. Изнутри проёма. С возмущением, а не враждой.

Он не успел ответить. Четвёртый штурмующий бросил вперёд сетку с впаянными белыми грузами. Мия, уже наполовину у шахты, развернулась и выпустила новый всплеск света – быстрый, яркий, но направленный. Сетка вспыхнула на лету, Кассиан разрубил один из грузов клинком, и вся конструкция рухнула в сторону.

– Вы двое, вниз! – приказал он.

– Сначала бумаги, – сказала Мирена.

Она, к его раздражению, уже стояла не у шахты, а у стола, сгребая оставшиеся листы в железную чашу.

– Что вы делаете?

– То, что умеют старые женщины, когда в дом вламываются люди в масках, – огрызнулась она. – Лишаю их удовольствия.

– Мирена! – крикнула Мия.

Старуха не ответила. Одним движением расплескала на бумаги тёмный настой из бутылки и чиркнула огнём. Пламя поднялось мгновенно – зелёное, алхимическое, прожорливое. Чернила на верхнем листе вспыхнули серебром и начали скручиваться.

Серые увидели огонь и пошли вперёд уже без осторожности. Кассиан шагнул им навстречу.

В тесном помещении бой всегда сводится к углам и дыханию. Он ударил ближайшего коротко, в горло, развернулся, ушёл от клинка второго, опустил тень под колени третьего. Чёрная плотность у пола снова была удивительно послушной. Розовый свет Мии держался рядом, как незримый каркас. Впервые за много лет Кассиан чувствовал не борьбу с собственной силой, а точность. Это пугало не меньше, чем помогало.

– Достаточно! – рявкнул знакомый голос из двора. – Их можно оставить живыми!

Значит, действительно архив. Не Мия. Не он.

Бумаги.

Кассиан почувствовал, как внутри поднимается холодная злость. Не на Серых – на предсказуемость всей системы. Город начал выцветать, а кто-то в центре власти счёл главной угрозой не волну, а старые схемы, способные объяснить, что происходит.

Мирена швырнула в огонь последний лист и наконец посмотрела на них.

– Уходите.

– Нет, – выкрикнула Мия.

– Да, – одновременно сказал Кассиан.

Она резко повернулась к нему: – Не смейте!

– Если вы сейчас останетесь, всё, что она сожгла, было зря.

Слова ударили резко, но точно. Мия на секунду застыла. В её глазах вспыхнула такая ярость, что почти обрела цвет сама по себе.

Мирена использовала этот миг безупречно. Подошла, схватила Мию за плечи и почти с неожиданной силой втокнула её в шахту.

– Живи достаточно долго, чтобы потом спорить со мной, – сказала она.

Мия вскрикнула, сорвалась вниз на колени, удержалась рукой за железную скобу. Кассиан уже был рядом. Он собирался шагнуть следом, когда Мирена вдруг схватила его за рукав. Её пальцы были сухими, крепкими.

– Если приведёшь её обратно в цепях, – тихо сказала старуха, – я найду способ воскреснуть.

– Не приведу, – ответил он.

Она посмотрела на него так, будто проверяла вес слова, а не смысл. Потом отпустила.

– Тогда уходи.

Новый удар сотряс комнату. Кто-то во дворе разбил боковое окно. Внутрь брызнули осколки и ночной воздух.

Кассиан прыгнул в шахту.

Каменная плита сверху начала закрываться почти сразу. Последнее, что он увидел, – как Мирена подбирает с пола длинный металлический штырь для поддержки растений и встаёт у огня, прямая, сухая, маленькая и совершенно негибаемая. За её спиной горели схемы.

Потом проход сомкнулся.

Они с Мией съехали вниз по узкому скату в мокрую темноту. Водосброс оказался старым кирпичным тоннелем, по дну которого бежал тонкий поток. От удара о стену у Кассиана на секунду перехватило дыхание, но он тут же поднялся. Мия уже была на ногах.

– Откройте! – выкрикнула она вверх, хотя прекрасно понимала бессмысленность. – Мирена!

Наверху глухо стукнуло. Потом ещё раз. Крики. Неразборчивые, приглушённые толщей камня. Затем всё перекрыл гул воды в трубе.

Мия ударила ладонью по кладке так сильно, что сбила кожу.

– Мирена!

Кассиан подошёл ближе, слушая камень. Сверху шёл бой – короткий, рваный, затем резкий металлический звук, потом тишина. Та, которая наступает, когда помещение уже взяли и начинают разбирать, что осталось.

Нехорошая тишина.

Он ничего не сказал.

Мия медленно опустила руку. Розовый свет на её пальцах погасал рывками, словно сердце, не желающее принимать неизбежное. Вода у её сапог была почти чёрной. На одном рукаве осела стеклянная крошка.

– Она могла уйти другим ходом, – сказал Кассиан, хотя сам не был в этом уверен.

Мия повернула голову так резко, что мокрые пряди хлестнули по щеке.

– Не надо.

– Что?

– Не надо давать ложную надежду.

Он выдержал её взгляд.

Мия шагнула к нему. Между ними было едва ли два локтя пространства, но в этот момент оно показалось натянутым до боли.

– Они пришли не за мной, – отрезала девушка тихо и страшно спокойно. – Не за моей силой. Не за выцветанием. За чертежами. За тем, что связано с дворцом. С вашими протоколами. С вашими тайнами.

Кассиан не возразил. И это окончательно добило её.

– Значит, опасность пришла не за мной, – поняла она наконец. – Она пришла за вами.

Вода бежала между ними тонкой тёмной полосой, как шов, который уже не распороть обратно.

Глава 7. Крыши Аурелии.

Мия.

Мия смотрела на Кассиана так, будто вот-вот сорвётся – и она либо ударит его, либо уйдёт в темноту тоннеля одна, не разбирая, куда именно идёт.

– Опасность пришла за бумагами, – ответил, наконец, Кассиан. – Но теперь она знает и о вас.

– Слушайте, как удобно, – тихо ответила ему Мия. – Сначала привести беду, потом поделиться ею.

Сверху, сквозь толщу камня, донёлся далёкий глухой звук. Не крик даже – работа. Передвигают мебель. Ломают полки. Разбирают чью-то мастерскую так, будто она всегда принадлежала не хозяину, а им.

Мия стиснула зубы.

– Если мы останемся здесь, – сказал Кассиан, – нас возьмут в ближайший час. Если пойдём вниз по водосбросу – выйдем к южным решёткам, где уже будут патрули. Есть третий путь. Вверх.

– На крыши?

– Да.

– Ненавижу крыши.

– А я – подземелья, – сказал он. – Сегодня город щедр на компромиссы.

Ей почти хотелось ответить резкостью. Почти. Но сил на это вдруг стало меньше, чем злости. А злость была единственным, что ещё держало её прямо.

Они двинулись вдоль тоннеля, где по кирпичному дну бежал тонкий чёрный поток. Вода пахла железом и старой известью. Над головой переплетались трубы, на некоторых висели капли, мутно ловившие редкий свет из вентиляционных решёток. Мия шла быстро, почти упрямо. Не потому, что верила Кассиану. Просто если остановится, придётся думать о Мирене. Об этом она думать не могла.

Через несколько пролётов тоннель раздвоился. Кассиан без колебания свернул в левый, к старой служебной шахте. Видимо, дворец учил своих теневиков не только ломать двери.

– Вы знаете все ходы города? – спросила Мия, чтобы не слушать собственное дыхание.

– Нет.

– Тогда откуда?...

– Знаю те, которыми пользовались до последней перестройки. Новые обходы мне нравятся меньше. Их делали люди, слишком уверенные, что опасность всегда приходит снаружи.

Она оглянулась. Шахта оказалась узкой, с железной лестницей, съеденной ржавчиной. Кассиан поднялся первым, проверяя скобы. Мия полезла следом. На половине пути одна из перекладин дрогнула у неё под ногой. Она успела схватиться за боковую шину, но мокрые пальцы соскользнули.

Её запястье перехватила чужая рука. Кассиан удержал её так легко и жёстко, словно заранее был готов к этому. Мия ударилась плечом о стену, выругалась сквозь зубы и повисла на мгновение между падением и подъёмом.

– Я вас держу, – сказал он сверху.

– Серьёзно? – не удержалась она, – А я-то подумала, что вдруг научилась летать.

– А вы язва.

– Это вопрос? Или комплимент?

– Наблюдение.

Она выбралась на площадку с ощущением, будто её гордость только что оставили болтаться в шахте на ржавом гвозде. Кассиан уже отступил на шаг.

Они выбрались в старую водораспределительную башню, давно заброшенную. Сверху сквозь треснувшее стекло купола просачивался неправильный белёсый свет. Отсюда вёл узкий мостик на крышу соседней галереи.

Когда Мия ступила наружу, город раскрылся под ними сразу весь – слоями, пролётами, мостами, лестницами, блеском стеклянных переходов и темнеющими садами на верхних террасах. Аурелия всегда казалась живой сверху. Дышащей. Переливчатой. Сегодня она выглядела так, будто кто-то накрыл её тончайшей тканью пепла.

Фонари горели. Но не светились.

Белые полосы на мостах тянулись слишком ровно, окна светились слишком пусто, а дальние цветочные шпильки казались выбеленными костями, торчащими из камня.

Мия остановилась.

– Я чувствую это даже отсюда, – сказала она. – Как будто город пытается говорить, но у него отобрали голос.

Кассиан посмотрел не на город, а на неё.

– И всё ещё думаете, что виноваты только те бумаги?

– Нет, – отозвалась она. – Я думаю, что бумаги – это причина, по которой Мирена сейчас одна.

Он не возразил.

Они шли по крыше вдоль стеклянной галереи, держась ближе к теням карнизов. Внизу время от времени проходили патрули – обычные орденские пары и, реже, светлые бесшумные силуэты Серых. Их можно было отличить даже на расстоянии: они двигались так, будто уже заранее знали, что сопротивление – просто техническая задержка.

Мия заметила, что Кассиан временами едва ощутимо прихрамывает.

– Вас задело в доме, – сказала она.

– Ничего серьёзного.

– Это не ответ.

– Это исчерпывающий ответ.

Она с досадой выдохнула, но спустя несколько шагов всё же схватила его за рукав и дернула в тень между двумя вытяжными арками. Он резко повернулся, мгновенно собранный, и только потом понял, что угрозы нет – лишь глухая ниша, скрытая от мостов.

– Сядьте, – скомандовала Мия.

– У нас нет времени.

– Сядьте, теневик. Пока вы изображаете неуязвимость, у вас кровь уже капает на черепицу.

Он опустил взгляд. Из-под тёмной ткани на боку действительно проступало влажное пятно. Порез был не смертельный, но глубокий: один из осколков или край клинка всё-таки достал его в тесноте мастерской Мирены.

Кассиан сел, больше из расчёта на скорость, чем из покорности. Мия опустилась рядом и, не спрашивая разрешения, разорвала остаток подкладки на своём рукаве.

– Если вы сейчас скажете, что справитесь сами, – предупредила она, – я затяну повязку так, что вы будете вспоминать меня с ужасом.

– Уже вспоминаю, – сухо отозвался он.

Она бы фыркнула, если бы внутри не было так пусто и тяжело.

Под тканью кожа у него оказалась неожиданно горячей. По краю пореза расходились светлые подпалины – след от ближнего подавителя. Белое оружие всегда оставляло такие мерзкие ожоги, будто выжигало не плоть, а саму способность тела помнить боль правильно.

– Это от линзы, – тихо сказала Мия.

– Да.

– Должно тянуть глубже, чем выглядит.

Кассиан посмотрел на неё внимательнее.

– Откуда знаете?

– Я чувствую, когда хрома в теле смята. У вас вокруг раны всё как... – она замялась, подыскивая слово, – как примятая трава после тяжёлых сапог.

На мгновение в его лице мелькнуло что-то очень короткое и человеческое. Не удивление даже – скорее усталое признание того, что ещё одна невозможная вещь всё-таки существует.

– Мирена была права, – сказал он. – Вы слышите структуру.

– Вы говорите это так, будто это приговор.

– В нашем городе многое зависит от того, кто именно услышит такую новость.

Мия закончила повязку, затянула узел и только тогда поняла, что её ладонь всё это время лежала на его коже чуть дольше, чем нужно. Попыталась убрать руку – и почувствовала странный отзвук. Словно под пальцами что-то дрогнуло не в ране, а глубже. Тёмное, холодное, но не враждебное. Отозвалось.

Она отдёргнула руку. Кассиан тоже замер. Между ними повисла короткая тишина.

– Это произошло и в доме, – сказала Мия. – Когда моя хрома коснулась вашей тени.

– Я заметил.

– И что это значит?

Он ответил не сразу.

– Что мне не нравится количество вещей, которые я заметил сегодня.

Она закатила глаза, но без какого-либо раздражения.

– Потрясающе. У меня тут, возможно, рушится весь мир, а вы по-прежнему умеете быть невыносимо загадочным.

– Это профессиональное.

– Вас в ордене этому учат? Или отбирают только уже испорченных?

Уголок его рта едва заметно дёрнулся. Если бы она не смотрела так внимательно, решила бы, что ей показалось.

– В ордене, – ответил Кассиан, – вообще многому учат не спрашивать.

Мия прислонилась спиной к холодной каменной стенке ниши.

– Вас забрали ребёнком?

Он повернул голову. Не резко. Просто очень точно.

– Почему вы так решили?

– Потому что взрослый человек сначала учится спорить, а уж потом – молчать. У вас порядок обратный.

В белом городском свете его лицо казалось строже обычного. Но после этой фразы в нём появилась тонкая трещина – не в самообладании, а где-то рядом.

– В двенадцать, – сказал он наконец. – Долг семьи. Добровольный набор, если читать официальные бумаги. Полезная способность к теневой привязке. Дальше всё стандартно.

Мия посмотрела на него уже без прежней колючести.

– Звучит не очень добровольно.

– В Аурелии многие вещи называют мягче, чем они есть на самом деле.

Несколько секунд они молчали. Над головой тихо звякнула ветровая струна на шпиле. Внизу под мостом прошла стражеская пара, и белый свет их фонаря полоснул по стеклу галереи.

– Мирена говорила, – сказала Мия, – что дворец любит красиво упакованное насилие. Так легче делать вид, будто все остаются цивилизованными.

– Мирена была наблюдательна.

– Мирена была права чаще, чем мне нравилось.

На последнем слове голос у неё всё-таки дрогнул. Кассиан заметил это. Она знала, что заметил. И всё равно не отвернулась.

– Если она жива, – сказал он негромко, – Серые не убьют её сразу. Им нужны имена, тайники, подтверждения.

– Утешение сомнительное.

– Я не утешаю. Я оцениваю.

– У вас всё так? Даже горе?

Он посмотрел на город.

– Иначе не выживают там, где меня учили.

Мия хотела ответить колкостью, но не стала. Вместо этого спросила:

– Серые – это не орден?

– Нет. Формально они часть дворцовой внутренней охраны. Практически – люди регента. Их посылают туда, где официальная версия должна появиться раньше правды.

– Значит, дворец уже знает про Нивеум.

– Или всегда знал, – заметил Кассиан.

Эта мысль повисла между ними хуже ветра.

Они двинулись дальше, поднимаясь выше – на старые мостики между водными башнями, потом по пологому стеклянному скату к садовой террасе, откуда открывался вид на центральный контур Аурелии. Там, далеко, над дворцом, воздух был чуть светлее, почти белый до прозрачности. Слишком ровный. Слишком чистый. Свет без жизни.

Мия остановилась у края крыши, переводя дыхание.

– Там всё начинается? – спросила она.

– Скорее, оттуда отдают приказ.

Она обернулась. Ветер растрепал ему волосы, выбив из строгой собранности несколько тёмных прядей. С этой высоты он почему-то выглядел моложе – не по лицу, а по усталости.

– Почему вы не сдали меня днём? – спросила Мия.

Он не сделал вид, будто не понял, о чём речь. Кассиан чуть прищурился, глядя на нижние кварталы.

– Потому что вы не были похожи на источник. Только на того, кто тоже пострадал. Потому что я уже видел, как дворец ошибается. Потому что, когда волна прошла через вас, вы едва не упали, а люди, которые действительно запускают такие вещи, обычно стоят дальше от удара.

Он перевёл взгляд на неё.

– И потому что я устал служить вслепую.

Что-то внутри Мии сдвинулось. Совсем немного. Не доверие ещё. Но уже не прежняя непробиваемая стена.

Под ногами хрустнула тонкая полоска льдистого стекла. Она шагнула в сторону, на мокрый край карниза, и подошва тут же поехала.

Кассиан схватил её за руку. На этот раз она не успела ни выругаться, ни вырваться. Его пальцы сомкнулись на её ладони, тёплые несмотря на всегдашнюю тень. И в этот миг мир снова дрогнул.

Не вспышкой. Узором.

Чёрное и розовое скользнули по коже тончайшими линиями, будто кто-то на мгновение нарисовал на её ладони ветвящийся цветок из дыма и света. Несколько мгновений рисунок жил – пульсировал, менял форму, собираясь в замкнутый знак, слишком сложный для случайности.

Мия устала на собственную руку.

Кассиан отпустил её резко, будто узор обжёг и его тоже. Рисунок не исчез. Тонкие чёрные прожилки и мягкое розовое свечение остались на её ладони – едва заметные, но настоящие.

– Кассиан, – очень тихо сказала Мия. – Что это?

Он смотрел на знак так, как человек смотрит на старое пророчество, которое предпочёл бы никогда не видеть вживую. И впервые за всё время ей показалось, что испугался он вместе с ней.

Глава 8. Рынок без запаха.

Кассиан.

Кассиан знал этот знак. Не полностью. Не в живом виде – такое оставалось на страницах, которые передавали только под печатью старших теневых протоколов, с формулировками вроде «не инициировать при отсутствии полной коронной матрицы» и «при совпадении спектров немедленно докладывать в верхний контур». Но сходство было слишком явным, чтобы от него отмахнуться.

Сопряжённый отпечаток. Связка проводников.

Хуже всего было не название. Хуже всего было то, как естественно знак лёг на её кожу.

– Вы знаете, что это, – сказала Мия.

Они стояли под аркой старой садовой галереи. Белёсый свет сверху делал её лицо бледным, а рисунок на ладони – наоборот, слишком отчётливым. Если бы кто-то увидел его с близкого расстояния, объяснений потом было бы недостаточно.

– Предполагаю, – ответил Кассиан.

Он снял с собственной руки узкий внутренний ремень и протянул ей.

– Замотайте ладонь.

– И после этого вы, конечно, всё расскажете?

– После этого у нас будет шанс дойти туда, где нас не увидят раньше времени.

Она посмотрела на него с той самой усталой яростью, которой за ночь стало только больше. Но ремень взяла и туго перехватила ладонь тканью.

– Куда мы идём?

– На рынок Верхнего спуска.

Мия недоверчиво вскинула брови.

– Вы решили прятаться в одном из самых людных мест города?

– Именно так. Пока Серые прочёсывают тихие укрытия, самые опасные места иногда оказываются самыми незаметными.

Они спустились с крыш не сразу, а по длинной дуге: через стеклянный переход, затем по сервисной лестнице в пустой дом сборщиков дождевой воды, потом на узкий мост над внутренним каналом. Чем ниже они сходили, тем сильнее чувствовалось выплывание.

Сначала исчезли запахи сада. Потом – привычная разноцветная дрожь хром-фонарей. Потом сама улица будто начала звучать пусто. Люди ещё шли, телеги ещё скрипели, где-то хлопала ставня, но звуки были отделены друг от друга, как плохо сшитые куски ткани. Ни один не тянул за собой настроение улицы. Ни один не рождал общего движения.

Кассиан чувствовал это особенно остро сейчас, когда знал причину.

Аурелия держалась не на камне. Не на каналах. Не на дворце. Она держалась на тончайшем слое резонанса между всем живым и всем созданным. На том, что запах хлеба усиливает утренний свет, влажная листва смягчает голос мостов, а уличный музыкант может на несколько минут изменить настроение целого квартала.

Выцветание не уничтожало город. Оно убирало связность. И от этого всё живое начинало существовать рядом, но не вместе.

Рынок Верхнего спуска он увидел ещё издалека – по белой полосе навесов и слишком аккуратным цепочкам покупателей. Обычно здесь пахло специями, жареными орехами, горячим маслом, настоем листовой мяты и мокрой тканью. Сегодня запахов не было.

Совсем.

Мия остановилась так резко, что едва не врезалась в него плечом.

– Я ничего не чувствую, – сказала она тихо. – Ни кориандра, ни цитрусовых, ни дыма из булочной. Даже запаха рыбы от канала почти нет.

- Я тоже.
- Это ненормально.
- Знаю.

Она смотрела на рынок с выражением человека, который увидел знакомое лицо без глаз.

Под навесами всё двигалось. Торговцы перекладывали товар, женщины спорили у весов, мальчишка вёл тележку с кувшинами, двое мужчин тащили ящик стеклянных трубок. Но никто не жестикулировал резко. Никто не смеялся. Никто не ругался по-настоящему. Даже спор у весов был похож не на спор, а на обязанность произнести несколько нужных реплик.

Кассиан повёл Мию вглубь рынка, держась так, чтобы она оставалась чуть позади и справа, чтобы удобнее прикрывать обзор. Её замотанную ладонь он заметил боковым зрением ещё раз. Ткань уже начала темнеть изнутри, будто знак под ней не гас, а впитывался в волокна.

Неприятная деталь. Очень неприятная.

- Если увидите Серых – не бегите сразу, – сказал он тихо.
- Прекрасный совет.
- Я серьёзно. В такой толпе резкое движение заметят быстрее всего.
- А если они заметят нас первыми?
- Тогда я попрошу вас нарушить совет.

Она бросила на него короткий взгляд. Даже сейчас – на рынке без запаха, среди людей с пустыми лицами – у неё хватило сил изобразить тень прежней язвительности.

У восточного ряда специй стояла старая каменная колонна с трещиной в основании. Когда-то тут был городской указатель, потом его сняли, но колонну не демонтировали. Внутри цоколя оставалась узкая полость – старый тайник орденовских связных, которым давно не должны были пользоваться. Именно поэтому Кассиан и выбрал его.

Он опустился на корточки, будто просто проверяет шнуровку сапога, и просунул пальцы в щель.

Внутри лежало не письмо. Металлическая пластинка. Тонкая, прямоугольная, с надрезанным краем и знаком внутренней курьерской службы. Слишком официально для хороших новостей.

- Что там? – шепнула Мия.
- Идём дальше.
- Вы это сейчас серьёзно?
- Более чем.

Он поднялся и свернул в ряд пустеющих фруктовых лотков, пока рынок не успел заметить их заминку. Только добравшись до полутёмного прохода между складами ткани, где их заслонили свисающие рулоны, разжал пальцы.

На пластинке было три строки:

При обнаружении действовать по протоколу Белого Двора. Отряд Тени 4/С временно переподчинён. Офицер Кассиан Вейл – статус: скомпрометирован.

И ниже, другой рукой, уже неофициально, нацарапано:

Серые ищут Сердце. Если метка появилась – беги не от них. Беги от дворца.

Кассиан прочёл надпись дважды. Потом ещё раз – не потому, что не понял, а потому, что понимание было слишком неудобным, слишком острым, чтобы впустить его сразу.

Вейл. Только двое его старых связных ещё пользовались этим именем без звания. Один погиб год назад. Значит, записку оставил второй.

Тиран.

Если он рискнул положить такое в официальный тайник, значит, времени почти не осталось.

– Что там? – повторила Мия, и на этот раз тише не из осторожности, а из терпения, которого у неё оставалось всё меньше.

Он протянул ей пластинку.

Она быстро пробежала строки глазами. На слове «скомпрометирован» её взгляд дёрнулся. На последней фразе – застыл.

– Сердце, – повторила она. – Призма Сердца*.

Кассиан кивнул.

– Похоже, что да.

– То есть они ищут не просто бумаги. И не просто старую схему.

– Нет.

Мия медленно подняла на него глаза.

– А метка?

Он пожалел, что в мире не существует хороших вариантов ответа.

– Похоже, это подтверждение резонанса.

– Говорите нормально.

– Моя теневая печать* и ваша хрома не должны были стабилизировать друг друга. В обычной связке свет такого типа либо гаснет, либо уходит в перегрузку. У нас произошло обратное. Если старые протоколы верны, система могла распознать это как совместимый контур.

Несколько секунд Мия молчала.

– Совместимый для чего?

Кассиан посмотрел на белёсый рынок за рулонами ткани. На людей, которые брали фрукты без интереса к вкусу. На женщину у лотка с духами, механически откручивающую пустой флакон, словно память о жесте сохранилась, а желание – нет.

Потом сказал: – Для одного из ключей Нивеума.

Она отшатнулась, будто он ударил её словом.

– Нет.

– Я сказал «похоже».

– Перестаньте. – В её голосе впервые за всё время появилась не злость, а настоящий страх. – Перестаньте прятать это за своими сухими словами. Если я подхожу для их машины – так и скажите.

Он встретил её взгляд.

– Возможно, вы не просто подходите. Возможно, вы и есть тот недостающий живой контур, который они ищут.

Тишина между ними стала плотнее любого щита. Мия медленно опустила глаза на свою перевязанную ладонь.

– Мирена говорила, что я слышу структуру, – сказала она почти шёпотом. – Что у меня слишком живая хрома. Я думала, это просто редкий дар. Просто... я.

– Может быть, так и есть.

– И этим они захотят воспользоваться.

– Думаю, что да.

Он не соврал. Не смягчил. Почему-то именно сейчас смягчение показалось бы предательством.

Снаружи мимо прохода прокатили тележку с белыми тканями. За ней двое Серых. Не спеша. Без суеты. Они проверяли ряды по схеме, от узлов к узлам.

Кассиан шагнул ближе к Мие, почти вплотную, и положил ладонь ей на плечо, как будто они просто пара случайных знакомых, переживающих толпу. Со стороны это выглядело буднично. Изнутри же он почувствовал, как напряглось всё её тело.

– Не двигайтесь, – сказал он очень тихо.

Она тоже заметила Серых. Он понял это по тому, как у неё мгновенно стал ровнее взгляд – не спокойнее, а именно ровнее. Так люди собирают себя, когда паника уже на подходе, но пока ещё слушается.

Серые прошли мимо склада ткани и задержались у соседнего ряда. Один что-то сказал торговцу. Тот ответил без возмущения, почти равнодушно. Белый свет линзы коротко скользнул по мешкам.

Кассиан чувствовал сердцебиение Мии плечом. И ещё кое-что. Знак под повязкой начал едва заметно теплеть.

Он опустил взгляд и увидел, как на ткани проступает тонкая тёмно-розовая линия, словно узор пытается найти дорогу наружу. Не просто реагирует на него. Реагирует на близость Серых. Или на ближайший узел городской сети.

Система их чувствовала. Это было хуже, чем простая охота.

Один из Серых повернул голову в их сторону.

– Сейчас, – едва шевеля губами, сказал Кассиан.

Он толкнул рулон ткани плечом. Тяжёлое полотно сорвалось с перекладины, обрушилось между проходами, и рынок наконец впервые за долгое время отозвался чем-то похожим на настоящий звук: испуганный вскрик, падение ящика, чей-то раздражённый окрик.

Секунды хватило.

Они рванули в глубь складского двора, туда, где над рынком начинались старые подъёмные леса и лестницы на грузовые мостики.

Позади уже звучали команды. Не громкие, но очень точные.

Они проскочили по узкому мостку над двором, срезали через открытую сушильную и только у старой часовой башни, где рынок переходил в сеть навесных переходов, наконец оторвались настолько, чтобы позволить себе не бежать.

Кассиан остановился в тени колокольного каркаса и прислушался. Серые разделились. Значит, ищут не просто беглецов. Ищут след.

Плохо. Очень плохо.

Мия согнулась, опираясь ладонью о стену.

– Если они могут чувствовать эту метку... – сказала она, тяжело дыша. – Тогда мы носим на себе поводок.

Кассиан взглянул на её руку, потом на белый город внизу.

В голове всплыла фраза из старого протокола, которую он когда-то читал и хотел забыть сразу после: «При успешном сопряжении контуры начинают отзываться на центральную матрицу даже в пассивной фазе».

Он медленно поднял глаза.

Регент искал не просто ключ.

Он искал связку*.

1. Призма Сердца* – красно-золотой кристалл, усиливающий живую хромую и связывающий проводника с сетью города.

2. Связка* – пара проводников.

3. Теневая печать* – чёрный медальон-метка, вплавленный в носителя ордена старого образца. У Кассиана в изменённой форме.

Глава 9. Отпечаток союза.

Мия.

Башня, в которой они укрылись, когда-то принадлежала городской службе хронометров. Здесь настраивали уличные колокола и сверяли ритм водных насосов. Теперь от службы остались только пустой механизм, облупившаяся медь и лестницы, ведущие к верхнему ярусу под стеклянным куполом.

Идеальное место для плохих разговоров.

Мия стояла у окна-бойницы, прижимая к груди перевязанную руку. Снизу доносился смазанный гул рынка, уже почти нормального на слух и всё такого же мёртвого по сути. Она не оборачивалась к Кассиану с тех пор, как они вошли.

Это было справедливо.

Он поднялся за ней на верхнюю площадку, прикрыл за собой дверцу люка и только после этого позволил себе взглянуть на неё прямо.

– Мия.

– Нет, – отрезала она.

Одно короткое слово. Ровное. Опасное.

– Вам всё равно придётся это услышать.

– Мне уже пришлось услышать достаточно, чтобы захотеть столкнуть вас с этой башни.

– Вы можете сделать после разговора.

Она медленно повернулась.

– Вы знали раньше?

– Нет.

– Но догадывались, ведь так?

– Только после дома Мирены.

– И молчали.

– Потому что неподтверждённая паника нам бы не помогла.

– А подтверждённая, значит, помогает?

Он мог бы ответить в обычной своей манере. Сухо, сдержанно, не давая эмоции лишнего веса. Но за последние часы этот способ почти исчерпал себя.

– Нет, – сказал Кассиан. – Не помогает. Просто я предпочитаю, чтобы ненавидели за правду, а не за её отсрочку.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Усталость проступала у неё уже не только в голосе – в плечах, в движениях, даже в том, как она держала подбородок чуть выше обычного, будто это помогало не рассыпаться

– Тогда ответьте, что такое «сопряжённый отпечаток»?

Кассиан прислонился к стойке старого механизма. Металл под рукой был холодным, спокойным, без всякой хромы.

– Теневая печать сама по себе – не просто знак ордена. Это вживлённый контур подавления. Нас делают узлами, которые могут принимать избыток, удерживать его и перенаправлять, не давая волне сорвать окружающее. По крайней мере, такова теория.

– Звучит почти благородно.

– На бумаге многое звучит благородно, – ответил он на её колкость. – Но такие печати редко работают в чистом виде. Им нужен внешний отклик – среда, источник, проводник. В старых проектах Нивеума таким проводником должна была быть живая хрома* определённого спектра. Не аккумулятор. Не кристалл. Человек.

Мия молчала.

Он продолжил: – Если печать встречает подходящий спектр, система оставляет метку. Не магическую метафору. Технический факт. Отпечаток говорит, что эти два контура можно использовать вместе.

– Использовать, – повторила она глухо. – Как удобно вы всё это называете.

– Другого слова у протоколов нет.

– А у вас?

Он сделал паузу.

– Связать.

Это слово прозвучало хуже. Потому что было честнее.

Мия опустила взгляд на ладонь и резко сорвала ремень. Узор стал чётче.

Тонкие чёрные линии, похожие на прожилки туши в воде, обвивали центр ладони, а внутри них мягко тлел розовый свет, как сердцевина живого лепестка. Знак уже не был случайным росчерком. Он собирался в форму – круг с тремя разомкнутыми ответвлениями.

Кассиан почувствовал, как внутри нехорошо холодеет.

– Три ветви, – тихо сказал он.

– Что это значит?

– Нивеум держится на трёх стабилизаторах. Если знак показывает неполный круг... значит, система распознаёт два активных контура и место для третьего.

Мия вскинула голову.

– Венец Равновесия*.

– Да.

Она засмеялась. Коротко, почти беззвучно.

– Потрясающе. Значит, я не просто человек, за которым охотится дворец. Я половина недособранной катастрофы.

– Не половина. Один из.

В стеклянном куполе над ними медленно полз белый рассветный свет. До настоящего утра было ещё далеко, но город уже начал сереть изнутри.

Мия отвернулась обратно к бойнице.

– Мирена однажды сказала мне, что самый страшный способ отнять у человека свободу – это объяснить ему, будто он полезен только как часть чужой схемы, – произнесла она. – Я тогда думала, она говорит о рынке. О долгах. О ремесле, которое наследуют, даже если не любят. А выходит – она говорила вообще обо всём.

– Она говорила умно.

– Я не хочу быть ничьим ключом.

– И не будете.

Она резко обернулась.

– Не говорите так, если не можете гарантировать.

– Я могу гарантировать одно, – сказал Кассиан, и собственный голос показался ему жёстче обычного. – Я не отдам вас дворцу.

Это вырвалось раньше, чем он успел взвесить формулировку.

Мия замерла.

– Вы сейчас понимаете, что говорите?

– Да.

– Нет, не понимаете. – Она шагнула ближе. – Вы – человек ордена. У вас на руке один из их контуров. За вами уже идут свои. Если вы действительно пойдёте против регента, против Серых, против... всего этого, то назад дороги не будет.

– Её уже нет.

Он сказал это без пафоса. Просто констатировал. И именно поэтому она поверила.

В башне стало очень тихо. Только где-то внизу покачивалась незафиксированная шестерня, едва слышно постукивая в такт воде.

Мия опустила взгляд первой.

– Мирена бы сказала, что вы выбрали отвратительно поздний момент для порядочности.

– С этим я бы не спорил.

Она почти улыбнулась. Почти. Потом нахмурилась и полезла в карман разорванной куртки.

– Подождите.

– Что?

– У меня тут что-то... – Она нащупала внутри складку ткани, потом тонкий жёсткий край.

– Этого раньше не было.

Она вытащила маленькую стеклянную пластинку, обёрнутую в обгоревший клочок пергамента. Край стекла был испачкан чем-то тёмным, как сажа, а внутри, в толщине, застыл едва заметный золотистый волосок линии.

Кассиан сразу выпрямился.

– Это из дома Мирены

– Видимо. Она, наверное, сунула мне в карман, когда толкала к шахте.

На пергаменте почерк был корявый, спешный, но узнаваемо миренин:

«Если это нашла – значит, я была права, и вы слишком упрямы, чтобы умереть быстро.

Стекло откроется только на связке. Не доверяй дворцу. И если рядом теневики ещё живы, пусть хоть раз в жизни пригодится».

Мия вскинула брови.

– Великолепно. Даже под угрозой смерти она умудрилась вас оскорбить.

Кассиан взял пластинку осторожно, как берут тонкий сплав с неизвестной реакцией.

– «Откроется только на связке», – повторил он.

Мия посмотрела на свой знак, потом на его правую руку.

– Мне совершенно не нравится эта фраза.

– Мне тоже. Но выбора у нас немного.

Он протянул ладонь. На миг она заколебалась. Потом всё же положила свою поверх его.

Прикосновение сработало мгновенно.

Знак на её коже вспыхнул мягким чёрно-розовым светом, теневая печать под его кожей отозвалась холодным серебром, а стеклянная пластинка между их пальцами нагрелась так быстро, что Мия ахнула.

Внутри стекла золотая линия развернулась, как спящая нить, и всплыла на поверхность рисунком.

Карта.

Нет – не полная карта города. Скорее вырезка из старой дворцовой схемы: центральный контур, поддворцовые каналы, три узла стабилизации, обозначенные разными символами. Один был заштрихован тeneвым знаком. Второй – знаком цветочного сердца. Третий находился не в тронном крыле и не в архивной башне, а гораздо ниже и восточнее, под старой королевской оранжереей, давно запечатанной после смерти королевы.

Рядом проступили слова.

ВЕНЕЦ РАВНОВЕСИЯ – НЕ НА ТРОНЕ. ХРАНИЛИЩЕ РАССВЕТА. ЕСЛИ НИВЕУМ ПРОСНУЛСЯ НЕПОЛНЫМ, СЛЕДУЮЩИЙ ЗАПУСК БУДЕТ НА ВОСТОЧНОМ РЕЗЕРВУАРЕ.

И внизу, уже рукой Мирены, поверх старой схемы:

«Регенту нужен не только город. Ему нужен правильный ответ на вопрос, что считать лишним».

Мия медленно прочла эту фразу вслух.

После неё башня будто остыла ещё сильнее.

– Восточный резервуар, – сказал Кассиан. – Если они запустят следующий импульс через водный контур, волна уйдёт дальше центральных кварталов. Намного дальше.

– «Что считать лишним», – повторила Мия. – Это и есть Венец? Не вещь, а настройка? Решение?

– Возможно, и то и другое. Корона, матрица, носитель принципа – в старых проектах такие вещи часто собирали в один узел.

Она всё ещё держала его руку. Заметила это только сейчас и резко отдернула пальцы.

Пластинка погасла, но карта уже осталась в памяти.

– Рассветный сад, – сказала Мия. – Я слышала это название. Не как место, а как сказку. Королевская оранжерея, где выращивали первые хромальные лилии. После войны туда никого не пускали.

– Значит мы будем первыми, кто окажется там поле войны.

Кассиан убрал пластинку во внутренний карман. И только тогда заметил, что у Мии дрожат руки. Не сильно. Почти незаметно. Но дрожат.

– Вы ранены? – спросил он.

– Нет.

Ложь.

– Лея.

Она закрыла глаза на секунду.

– Я устала быть центром чужих решений, вот что.

Кассиан подошёл ближе, медленнее, чем обычно делал вообще что-либо.

– Тогда сейчас решение будет ваше, – сказал он. – Мы можем попытаться уйти из города. Пока Серые ещё ищут вслепую, шанс есть. Или можем идти к Рассветному саду и искать третий контур раньше них.

– И вы спрашиваете так спокойно, будто оба варианта не похожи на самоубийство.

– Похожи. Но один оставляет Нивеум им. Второй – нет.

Она посмотрела на него долго, устало, почти зло – и в этой злости уже не было прежнего полного отторжения. Только страх, горе и необходимость выбирать быстрее, чем любой нормальный человек должен выбрать свою судьбу.

– Если уйти, – сказала Мия, – город продолжит выцветать.

– Да.

– Если остаться, нас могут использовать как часть запуска.

– Да.

Мия выдохнула сквозь зубы и наконец кивнула – коротко, один раз.

– Тогда идём за Венцом раньше, чем за нами придут. Но если вы ещё хоть что-то утаите...

– Не буду.

Снизу, из глубины города, донёсся низкий звук. Не колокол. Не сирена. Что-то гораздо хуже – протяжный гул, от которого стекло купола едва заметно завибрировало.

Кассиан и Мия одновременно повернулись к востоку.

Над дальними резервуарами, там, где утренний свет должен был только сереть над водой, начал подниматься белый столб сияния. Пока ещё тонкий. Пока ещё не волна. Но уже собирающийся в импульс.

– Они начали подготовку, – заметил Кассиан.

Мия сжала пальцы на перилах так, что побелели костяшки.

– Сколько у нас времени.

Он прикинул расстояние, контур, скорость сборки старых узлов – и не стал смягчать.

– До полноценного запуска? Час. Может, меньше.

Белый свет над востоком стал ярче. На ладони Мии чёрно-розовый знак отозвался пульсом, будто услышал далёкий зов. И на этот раз ей показалось, что зов пришёл не только из машины. А из самого сердца города, который слишком долго молчал.

1.*Живая хрома** – находится в людях. Особенно сильна у хромантов – тех, кто может осознанно взаимодействовать с цветовым потоком.

2.*Венец Равновесия** – диадема или управляющий обруч королевской линии, позволяющий задать принцип перераспределения хромы.

Глава 10. Долг тени.

Кассиан.

Белый столб над восточными резервуарами рос слишком ровно. Кассиан смотрел на него несколько секунд и уже по одному этому ровному подъёму понимал: подготовку ведут не в спешке и не наугад. Узлы были настроены заранее. Значит, у регента был не запасной план на случай провала в доме Мирены, а основной.

Мия стояла рядом, напряжённая, с пульсирующим знаком на ладони.

– В Рассветный сад? – спросила она.

Кассиан покачал головой.

– Сначала в архив.

Она повернулась к нему резко.

– Вы только что сказали, что у нас час. Может, меньше.

– Именно. Если мы полезем к Венцу вслепую, умрём быстро и бесполезно.

– А если пойдём во дворец, будет медленно и полезно?

– Во дворце есть исходные схемы. Не копии, не поздние дворцовые версии. Старый контурный архив. Если Венец – не просто символ, а часть управляющего узла, нам нужно знать, что именно переделали.

Мия сжала губы. В белом свете у неё под глазами залегли тени, а в голосе осталась только жёсткая усталость.

– Вы уверены, что архив ещё не вычищен?

– Нет.

– Отлично.

– Но я уверен, где искать то, что чистильщики обычно пропускают.

Она ещё секунду смотрела на восток, где поднималась мёртвая белизна. Потом коротко кивнула.

– Ведите.

Они спустились с башни по внутренней лестнице, мимо остановившегося часового механизма и пустых латунных рам, где когда-то висели маятники. На нижнем ярусе пахло сырой медью и старой пылью. Дальше начинались служебные проходы – узкие, неудобные, построенные для тех, кто чинил город, а не любовался им.

Кассиан шёл первым и автоматически отмечал выходы, проломы, места, где белый свет мог достать их с моста. Тело двигалось привычно. Мысли – хуже.

Архив.

Он не произнёс вслух другую причину, по которой хотел туда попасть. В старом контурном фонде хранились не только схемы. Там могли остаться журналы приказов довоенного ордена. Списки операций. Подписи. Печати. Всё то, что он годами предпочитал помнить обрывками, а не целиком.

Тени легче служить, когда она не смотрит на собственный след.

Они вышли к нижним улочкам возле старых ткацких дворов. Здесь выпетание ощущалось иначе, чем на Верхнем спуске: не пустотой, а будто приглушённой памятью. На стенах ещё держались старые красители – охра, тёмная синева, смуглая зелень, – но словно покрытые изнутри тонким слоем мела. У двери закрытой мастерской висел крошечный венок из сухих лепестков. Рядом – чёрная полоска ткани.

Мия замедлила шаг. Кассиан заметил, как у неё меняется лицо, когда люди встречают не место, а то, что оно в них хранит.

– Вы знаете этот квартал? – спросил он.

Она не ответила сразу.

- Здесь раньше жил мой брат, – сказала наконец.
- До того, как его убили, – догадался Кассиан.

Кассиан остановился лишь на долю шага. Этого хватило, чтобы собственное тело выдало внимание. Мия это заметила.

- Что? – спросила она.
- Ничего. Идём.

– Нет, не идём, – она повернулась к нему всем корпусом. – Вы так сказали, будто что-то знаете по отчётам.

Мия смотрела уже совсем иначе – не настороженно, как раньше, а пристально, почти хищно.

- Какой это был год? – спросил Кассиан.
- С какой стати?

– Какой. Был. Год.

- Год смерти моего брата? – Голос её стал холоднее. – За два года до смерти королевы.

После Пепельного двора.

Мир будто на мгновение стал очень тесным.

Пепельный двор.

Не слух. Не смутный городской шёпот. Официальное название операции в полевых журналах было другим: локализация резонансного бунта в северо-восточном ткацком секторе. Но все, кто пережил ту ночь, называли её именно так.

Пепельный двор.

Кассиан почувствовал, как в памяти поднимается белый дым, от которого невозможно было отмыть форму три дня. Узкие улицы. Искажённый хромой воздух. Приказ держать периметр любой ценой, пока подавители выравнивают волну. Крики, которые в протоколе были записаны словом шум.

Мия увидела ответ до того, как он заговорил.

- Нет, – сказала она тихо. – Нет.

Он не попытался уйти от этого.

- Я был там.

Мгновение она просто смотрела. Потом шагнула к нему и с силой толкнула обеими руками в грудь. Не так, чтобы свалить. Так, чтобы почувствовать удар.

- Вы были там?

- Да.

- Вы были там, когда они закрыли оба выхода?

- Да.

- Когда пустили белые линзы в толпу?

- Да.

Каждое «да» звучало хуже предыдущего. Мия отступила на шаг, как будто ей стало трудно дышать рядом с ним.

– Мой брат был не бунтовщиком, – тихо сказала она. – Ему было шестнадцать. Он носил лекарства в южный ряд, потому что там задохались дети. Моя мать пошла за ним. Ни один не вернулся.

Кассиан закрыл глаза на секунду. Всего на секунду. Но этого хватило, чтобы память добила остальное: парень с сумкой через плечо, пробующий проскочить под перекладиной оцепления; женщина, ударившая одного из его людей по шлему; вспышка линзы; белый пар на мокром камне.

Он никогда не знал имён. Теперь это было почти оскорблением.

– Я не знал, кто они, – попытался он оправдаться, понимая, насколько жалко звучат его слова.

Мия рассмеялась – коротко, неверяще, истерически.

– Насколько же удобное оправдание.

– Это не оправдание.

– А что? Профессиональная привычка говорить о чужой смерти в безличной форме?

Кассиан выдержал её взгляд.

– Я держал западный кордон, – сказал он. – Я исполнял приказ. Я думал, что, если не удержим волну в квартале, она сорвёт весь сектор.

– И вы поверили.

– Да.

– Как и всему остальному, что вам говорили?

Он хотел ответить резко. Не ей – себе. Хотел сказать, что в ту ночь в воздухе действительно рвалась нестабильная хрома, что несколько домов загорелись не от факелов, а от резонансного удара, что люди в панике убивают не хуже приказов. Всё это было правдой.

И всё это не отменяло другого.

– Я поверил приказу достаточно, чтобы стоять там, – сказал он. – Этого достаточно для вины.

Мия сжала перевязанную ладонь так сильно, что ткань натянулась.

– И вы всё это время шли рядом, как будто имеете право решать, кому жить, кому доверять, куда нам бежать.

– Нет, – ответил Кассиан. – Право я давно потерял. Осталась только возможность сделать то, что ещё можно сделать.

– Не смейте звучать благородно.

– Я и не пытаюсь.

Ветер потянул по улице серую пыль. Где-то выше хлопнула ставня. Белый столб над востоком стал ярче.

Мия обошла его так, будто не хотела стоять прямо напротив.

– Вы сказали, что служили королеве, – произнесла она. – Значит, всё это было уже тогда? Ещё до регента?

Кассиан некоторое время молчал. Потом кивнул.

– Орден изменился после её смерти. Но началось раньше.

Она ждала. Он понял, что теперь либо скажет правду полностью, либо потеряет даже ту хрупкую возможность, которая ещё существовала.

– Когда я поступил в орден, – сказал Кассиан, – мы клялись защищать контур города. Не трон, не одного человека, а весь город целиком. Королева Иларис требовала отчётов по именам, а не по числам. Она могла остановить наказание, если считала, что командир перешёл границу. Иногда – могла. Иногда – не успевала. В последние годы войны всё стало хуже. Слишком много очагов. Слишком много хромы, сорванной болью. Слишком много людей, которые боялись, что Аурелия развалится на части. После её смерти регент просто перестал притворяться, будто ордену нужен ещё какой-то смысл, кроме подчинения.

Мия слушала с лицом, на котором не осталось ни тепла, ни жалости.

– И где именно в этой красивой истории место для моего брата?

Кассиан не отвёл взгляда.

– В том месте, где я не заметил, что нас уже тогда учили охранять не город, а удобную версию порядка.

Тишина после этих слов была недолгой. Время не позволяло. Где-то на соседней улице прозвучали шаги патруля. Мия тоже их услышала и инстинктивно ушла в тень арки. Даже злость у живых вынуждена считаться с охотой. Кассиан шагнул следом, но не слишком близко.

– Если хотите уйти от меня сейчас, – сказал он, – я не стану останавливать.

Она резко повернула голову.

- Думаете, я не хочу?
- Наоборот, уверен, что хотите.
- Тогда почему говорите так спокойно?
- Потому что без меня вы не попадёте в старый архив вовремя.

Это было жестоко. И честно. Мия смотрела на него долго. Очень долго для человека, у которого, возможно, меньше часа до запуска городской машины.

- Я должна вас ненавидеть, – выпалила она со злостью.
- Да.
- Возможно, позже я этим и займусь.
- Справедливо.

- Но если сейчас из-за вас погибнет ещё кто-то
- Тогда это тоже будет на мне, – закончил он за неё.

Она выдохнула, будто сдерживала что-то гораздо большее, чем ответ. Потом отвернулась и глухо сказала: – Куда?

- Во дворец. Через старый теневой маршрут.
- Разумеется. У вас даже для искупления есть служебный вход.

Кассиан почти услышал в этом остаток прежней Мии – той, у которой на язвительность хватало сил не меньше, чем на страх.

- Есть, – ответил он. – Его знали только те, кто ещё служил королевскому внутреннему контуру. После смерти Иларис маршрут заварили на схемах, но не в камне. Я проведу нас.

Мия скрестила руки, потом тут же разжала – раненная ладонь не позволила.

- И почему вдруг такая щедрость?

Он посмотрел навывцветший квартал, на сухой венок у закрытой двери, на пустую улицу, где когда-то белый свет оседал на лица людей, которых он не сумел различить за приказом.

- Потому что долг тени, – сказал Кассиан, не в том, чтобы исчезать по команде. Иногда – в том, чтобы наконец встать между приказом и теми, кого он ломает.

Мия ничего не ответила, но через секунду сделала короткий жест рукой. Ведите. И Кассиан повёл её к дворцу – не как офицер подчинённую, не как проводник спутницу, а как человек, который слишком поздно понял цену собственного послушания.

Глава 11. Дворцовый чердак.

Мия.

Мия всё ещё хотела ударить его. Эта мысль оказалась неожиданно удобной: простой, понятной, тёплой на фоне всего остального. Пока они шли за дворцовую линию по узким техническим ходам, пока перелезали через решётки, пока протискивались в старый воздуховод над дождевым коллектором, злость помогала не думать о другом. О брате. О матери. О том, что человек впереди однажды стоял между ними и выходом.

Она шла за ним всё равно. И ненавидела необходимость сильнее, чем его.

Тайный маршрут начинался под старой подпорной стеной восточного крыла, за каскадом декоративных водосбросов, давно отключённых. Кассиан сдвинул одну из нижних плит, и за ней открылся узкий лаз, пахнувший мокрым известняком и затхлым металлом.

– Если хотите назвать это предельно унижительным способом проникновения во дворец, – сказал он вполголоса, – лучше сделать это сейчас. Дальше будет теснее.

– Я бы назвала это символичным, – отрезала Мия. – Власть всегда красивее снаружи.

Он ничего не ответил.

Внутри пришлось ползти почти на четвереньках. Камень был холодным, а воздух – неподвижным, словно само пространство здесь много лет не ждало дыхания. Пару раз Кассиан останавливался, проверяя стену пальцами, и только потом сворачивал в едва заметные боковые швы. Мия не спрашивала, откуда он помнит. Не хотела давать ему лишнее человеческое измерение.

Потом лаз начал подниматься. Появились бронзовые рёбра старых вентиляционных шахт, решётки с узором из листьев и волн, стеклянные капсулы осветительных линз – сейчас тёмные. Дворец дышал не как дом. Как организм, слишком большой, чтобы замечать отдельных людей в своих капиллярах.

Мия впервые увидела его изнутри так близко.

Не парадные залы, которые показывают на праздниках. Не широкие лестницы. А скрытую внутренность. Кость, вены, старую кожу.

Кассиан вывел её в узкую сервисную галерею под самым куполом одного из внутренних дворов, и она невольно остановилась.

Стены здесь были не просто облицованы камнем – они будто росли из него. Полупрозрачные пластины, похожие на перламутр, входили в серую основу, образуя плавные жилы. В некоторых местах под поверхностью ещё жила приглушённая краска: следы лилового, янтарного, зелёно-золотого. Цвет не лежал на стенах – медленно спал в них.

– Живая архитектура, – сказала Мия почти шёпотом.

Слова сами вышли.

Кассиан оглянулся через плечо.

– Вы слышали о ней?

– Слышала, но как о сказке. Что раньше дворец менял оттенок по настроению правителей. Что стены могли теплее становиться рядом с больными. Что стекло в куполах темнело перед дурными новостями.

– Не всё было сказкой.

Она подошла ближе к стене. Под пальцами поверхность оказалась чуть мягче обычного камня, словно когда-то умела отвечать на прикосновение и только теперь почти забыла. Где-то глубоко внутри прошёл слабый отблеск – тусклая дымчато-синяя дрожь.

– Она ещё живая, – сказала Мия.

– Остаточно.

– И ей плохо.

На этот раз он посмотрел на неё внимательнее, но спорить не стал.

Они двинулись дальше по запечатанной галерее. Снизу, сквозь прорези в полу, иногда открывались куски дворцовой жизни: белые коридоры, молчаливые служащие, далёкий зал с зеркальным сводом. Но наверху мир был другим. Пыльным, заброшенным, почти честным.

Один переход оказался целиком стеклянным. Над ними изогнутый купол держали тонкие бронзовые дуги, а под ними – пустой зимний сад, где когда-то, возможно, стояли кадки с хромальными деревьями. Теперь там оставались только белёсые стволы и сухие чаши фонтанов.

– При Иларис тут держали ночные лилии, – сказал Кассиан, не оборачиваясь. – Они раскрывались, когда в центральном крыле кто-то не спал.

Мия едва не спросила, откуда он знает, но вовремя одёрнула себя. Конечно знает. Он был частью этого места.

– Теперь они, видимо, решили не рисковать с чувствами даже у цветов, – сухо заметила она.

Под стеклом лежала тишина, похожая на забытую комнату после похорон.

Дальше начались чердачные пролёты – балки, подвесные мостки, старые механизмы жалюзи и светоотражающих экранов. Здесь дворец уже не старался быть красивым. Здесь он был мастерской собственного великолепия. Мия ловила себя на том, что слушает стены так, как слушала живых. В живой архитектуре хранилось больше памяти, чем в бумаге. Где-то в древесно-каменной толще ещё остались всплески смеха, резкие волны страха, длинные следы бессонных ночей.

И поверх всего – свежая, ровная белизна подавления. Как наложенная повязка, под которой рана не заживает, а только теряет голос.

– Сюда, – тихо сказал Кассиан.

Они протиснулись сквозь служебный люк и ступили на узкий помост, паривший под самым сводом старого архивного крыла. Внизу, на несколько ярусов ниже, под купольной крышей тянулись бесконечные ряды шкафов и застеклённых стеллажей, словно застывшие волны тёмного леса. Воздух был густым: пахло сухой бумагой, выцветшими чернилами, въевшейся пылью и ещё чем-то неуловимым — будто сами документы сочли усталостью, копившейся десятилетиями.

— Чердак? — изумилась Мия.

— Формально — верхний контур архива. По существу — место, куда ссылали всё неудобное, пока оно не становилось достаточно древним, чтобы снова обрести значимость.

— Поразительно разумный способ обращаться с правдой.

Кассиан на это только указал вниз.

Спускаться пришлось по узкой винтовой лесенке, у которой не хватало двух ступеней. Внизу стояли запечатанные шкафы с гербовыми замками, архивные лари и длинный стол для реставраторов. На полу в лучах молочного света лежали пылинки – слишком ровные, почти неподвижные.

Мия сразу почувствовала, что здесь что-то не так. Не опасность. Направление.

Как в мастерской Мирены она могла уловить, где в стекле напряжение, так и здесь ощущала, где память плотнее, где бумага – лишь бумага, а где под слоями чернил спрятан настоящий контур. В дальнем ряду, за витриной с дворцовыми инвентарями, воздух был чуть гуще. Словно кто-то много лет назад хотел спрятать не просто папку, а решение.

– Там, – указала она.

Кассиан посмотрел туда, потом на неё.

– Откуда?...

– Потом.

Он кивнул и пошёл следом.

Замок на витрине давно не использовали, но его всё равно пришлось вскрывать тонкой пластиной из внутреннего набора Кассиана. Мия не прокомментировала, что у него снова находится при себе именно то, чем удобно проникать туда, куда нельзя. Некоторые вещи уже были слишком очевидны, чтобы тратить на них реплики.

За стеклом лежали рулоны старых схем, переплетённые журналы учёта и несколько плоских коробов из тёмного дерева. Один из коробов оказался тяжелее остальных. На крышке под слоем пыли проступал стертый знак короны, вокруг которой шли три дуги.

– Вот, – сказал Кассиан.

Мия помогла поставить короб на стол. Пальцы у неё дрожали от спешки. Внутри лежали кальки, контурные чертежи и пачка записей, переплетённых белой лентой, давно пожелтевшей по краям.

Первый чертёж развернулся шуршащим шелестом.

Мия ожидала увидеть оружие. Вместо этого увидела сад.

Не буквально – схему. Но построенную как живое. Центральный контур Нивеума был изображён не прямыми линиями подчинения, а ветвящейся сетью распределения. Три основных узла соединялись не с подавителями, а с каскадом резервуаров, водных каналов, оранжевых и – Мия прищурилась – добровольных проводников. В примечаниях шли слова, от которых у неё внутри всё перестраивалось.

Перераспределение послевоенной нестабильной хромы. Снятие локальной перегрузки без утраты резонансной функции. Условие: согласие связанных контуров. Цель: разделить аффективное давление, не стирая индивидуального спектра.

– Это не машина подавления, – сказала она.

Голос прозвучал слишком громко в архивной тишине.

Кассиан уже листал следующий пакет.

– Никогда и не была ею изначально.

Мия провела пальцем по линиям схемы. Здесь цвет не уничтожали. Его разнимали, уводили от перегруженных мест, давали городу возможность пережить избыток боли, не превращая её в новый взрыв. После войны – это имело смысл. Если хрома действительно держала эмоции не только внутри людей, но и в камне, воде, воздухе, то целая столица могла стать больной от собственного пережитого.

– Это должна была быть сеть поддержки, – тихо сказала Мия. – Не кнут.

– Да.

Он развернул другой свиток и замер. Мия подошла ближе.

На втором чертеже поверх старых, выцветших линий чужой, неузнаваемой рукой были внесены изменения. Прямые. Резкие. Почти злые – словно удары ножом по живой плоти. Несколько каналов перераспределения оказались перечёркнуты накрест, с яростью, не терпящей возражений. Узлы добровольной связки – доверчивые, открытые – были вырваны и заменены замкнутыми контурами принудительного съёма. Там, где раньше цвело «сохранение спектра», теперь чернело «снижение аффективного шума». Вместо «разделить давление» – холодное, как приговор: «выравнивание до допустимого порога». Внизу, припечатывая эту жестокость к бумаге, багровела поздняя печать дворцового регентского совета.

– Кто-то взял живую сеть и перевернул направление потока, – голос Мии дрогнул, будто ей самой перерезали вену. – Не помочь нести, а выжечь разницу.

Кассиан смотрел на печать так, словно пытался прожечь её взглядом, испепелить эту ложь, вьющуюся в бумагу.

– Это уже после смерти королевы.

– Значит, регент лжёт всем, что так и было задумано с самого начала?

Кассиан медленно поднял глаза. В них было холоднее, чем в чертёжных линиях.

– Или лгал не только другим.

Мия потянулась к связке записей. Между сухими расчётами и заметками архитекторов вдруг попался лист, где рукой, куда мягче и свободнее поздних правок, было вписано:

Ни один узел не должен решать, какая боль допустима, а какая нет. Нивеум не предназначен для послушания.

Подписано было инициалами И.

У Мии перехватило дыхание.

– Иларис, – сказала она.

– Да.

Тишина длилась недолго. В живом дворце тишина редко бывала по-настоящему пустой.

Сначала Мия почувствовала это через стену. Не звук. Не шаги. Реакцию.

Панели по дальнему своду, до этого тусклые, вдруг изменили оттенок. Белизна на них стала ярче и холоднее, а под перламутром проступила тонкая сеть светящихся жил, будто архитектура открыла глаза.

Кассиан поднял голову одновременно с ней.

– Нас заметили, – сказал он.

– Кто? Охрана?

Он не успел ответить. С другого конца архивного яруса, где тень скрывала дверной проём, раздался спокойный мужской голос: – Если уж красть у меня из чердака историю государства, стоило хотя бы надеть перчатки.

Мия обернулась.

В проходе стоял регент Малькор. Без спешки. Без стражи рядом – по крайней мер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.